

Егерь Императрицы. Батальон, к бою!

Автор:

[Андрей Булычев](#)

Егерь Императрицы. Батальон, к бою!

Андрей Булычев

Егерь Императрицы #8

Тринадцать лет шаткого мира между Российской и Османской империями заканчиваются. Противоречия между ними слишком велики, и мирным путём уже неразрешимы. Войне быть! Что же послужит тем спусковым крючком, после которого прольётся большая кровь? Особая рота Егорова расширена до батальона и стоит на самом переднем рубеже обороны. Их зовут зелёными шайтанами и волкодавами. Именно им, русским егерям, и придётся первыми вступить в бой с янычарами.

Андрей Булычев

Егерь Императрицы. Батальон, к бою!

Часть I. Мирные годы

Глава 1. Тревога!

Сознание немолодого, много чего уже повидавшего на своем веку владыки Блистательной Порты Его султанского Величества Абдул-Хамида I будоражили тревожные мысли и видения. Он все никак не мог уснуть, и было от чего. Неумолимо и постоянно плели сеть своих интриг члены Высокого Дивана и многочисленные придворные. Иностранные послы вели свои тайные и грязные игры, опутывая словно бы невидимыми нитями паутины всех тех, кто только имел доступ к повелителю. В казармах Стамбула и в крепостях огромной страны сердито ворчали янычары. Султанская гвардия вот уже более полугода не получала своего жалованья, ибо в имперской казне на это сейчас банально не было денег. А также были многочисленные соседи, и каждый из них желал что-нибудь получить для себя от слабеющей державы или же пытался использовать ее в своих личных целях. И самый опасный из соседей был к северу. Там, за этим беспокойным Черным морем, была Русь, или, как она сейчас называлась, Российская империя.

Тяжелые думы об этом страшном соседе заставили тихого и богобоязненного султана нервничать. В сознании всплыло страшное предсказание, данное пророком Муста-Эддином владыке османов более двух веков назад: «Ты победишь всех своих неприятелей, никакой народ тебе и царству твоему не будет страшен, и никто не одержит победы над тобою, но только дотолы, пока ты будешь сохранять мирные отношения с народом, живущим от полуночи к востоку. Народ этот силен и славен, и имя его будет греметь по всему свету, и все ему будут покоряться. От сего-то великого народа и падет держава наследия твоего. Такова воля Всевышнего!»

И что толку было отправлять его на корм рыбам, когда он уже произнес свои страшные слова? Да и он ли один? Много, очень много подобных этому предсказаний уже было сказано ранее, а некоторые из них так даже и вовсе выбили на камне, как на том же надгробии святого императора христиан Константина Великого.

– О Всевышний, неужели этот страшный час приближается?! – содрогнулся владыка. – За что мне такая тяжелая ноша?!

Взойдя на престол в год поражения в тяжелейшей войне с русскими, беды и трудности преследовали Абдул-Хамида все годы его правления. Он с горечью вспоминал, как совсем недавно коварная, расчетливая и такая наглая Екатерина попросту отобрала у Османской империи Крымское ханство, которое долгие века было ей верным вассалом и таким удобным плацдармом для натиска на

северные земли. А сколько крепких рабов, красивых наложниц, зерна и всякого богатого товара вывозилось оттуда в Стамбул! Но два года назад русские повернули все так, что это ничтожество – последний хан Шахин Герай – был попросту вынужден отречься от престола и передать им свои владения! А сейчас подданные султана извергают проклятия, пылая праведным гневом! Они призывают наказать, покарать дерзких неверных и требуют вернуть Крымский полуостров обратно в пределы своих владений.

Но, увы, империя пока не готова к новой войне с северным народом. Сейчас ей нужно было решить все свои внутренние проблемы, провести большие реформы и подготовиться к новым сражениям. Недавнее восстание в Сирии и Морее[1 - Греция.] уже было жестоко подавлено, а все тамошние бунтовщики понесли заслуженное наказание. Само же население уstraшено.

Хан умиротворенно вздохнул. Пройдет еще немного времени, его империя укрепится, и он наконец сможет начать победоносную войну против северных славян. Русские непременно вернут все обратно османам, и потом опять забьются в глубину своих дремучих и холодных лесов. А западные друзья помогут султану и его славному войску в этом святом и важном деле. Порты укрепляются, она собирает все силы для своего решительного и стремительного броска. Из Европы сейчас идет много денег и оружия, много военных инструкторов и очень грамотных инженеров в виде помощи. Русским ни за что не устоять! И самый первый, главный удар его победоносные армии нанесут туда, куда и указывают все мудрые советники, любезно предоставленные ему верным другом Людовиком XVI.

Туда, на Днепр, к этому ничтожному поселению под названием Херсон, где славяне сейчас пытаются строить свои жалкие кораблики. Вот туда и устремятся славные османские воины. Потом они высадут в Крыму свой десант, поднимут татар на священную войну и вырежут там всех русских! Но перед этим им предстоит взять Кил-бурун, небольшую крепость неверных, когда-то принадлежавшую самим туркам. А еще будет нужно, перешагнув через реку Буг, ударить на север и на восток от Очакова. Русским уж точно не устоять от таких сокрушительных ударов. Их просто сметут его многочисленные славные войска. И тогда эта Екатерина, эта наглая немка на русском престоле, униженно ползая по земле, еще будет целовать его сапоги, умоляя оставить ей жизнь. А он подумает, стоит ли...

Султан улыбнулся, глубоко вздохнул, его веки дрогнули, и он наконец-то заснул.

* * *

– Поднажмем, Федотушка, вона какие тучи к нам с северной стороны идут! – батюшка кивнул на нависшую над лесом черноту. – Ежели мы сейчас копна в стог плотно не уложим да коли не свяжем накрепко все боковые хлысты со стожаром[2 - Центральный вертикальный шест.], так ведь худо будет, все враз разметает и потом замочит.

Вся большая крестьянская семья Кирилловых, потея в нависшей над полем предгрозовой духоте, дружно работала граблями и вилами, спасая урожай. «Бах! Бах! Бах!» – издали ударили частые громовые раскаты.

– Ох, тревожно мне, Федотка, ведь не успеем мы этот стог нонче уложить! – крикнул старший брательник Иван, с натугой закидывая деревянными вилами наверх очередную копну. – Ох, тревожно!

– Подъем! Подъем! Тревога! В ружье! – громкий крик капрала вырвал сознание Федота из омута сна.

– Быстрее шевелимся, Тишка, ты чего тут, как вша мелкая, возишься?! – и, придерживая левой рукой масляную лампу, он свободной правой треснул молодого егеря по хребту промеж лопаток.

– А рука-то у Герасима Матвеевича ого-го-о! Крепка! Вона, дружок Тиша аж спину зачесал и опять схлопотал, но уже теперь по шее.

Федот засуетился, застегивая пуговицы доломана. Половина солдат их отделения, одетые и с ружьями в руках, уже выскакивали за дверь хаты на улицу. Ну что поделать, все они были матерыми и опытными егерями-волкодавами. На картузах у многих заслуженные волчьи хвосты сбоку свисают. У них каждое движение было отточено долгими годами службы.

Все, вот уже и ремень большого поясного патронташа накрепко затянут, картуз на голове, а фузья в руке. Теперь подсумки на плечи – и бежать быстрее наружу, туда, откуда несется ритм тревожной барабанной дробы.

Федотка, проскакивая боком мимо грозного капрала, ударил прикладом фузеи о большую лавку и тут же словил подзатыльник от командира.

– Растяпа! – рыкнул ему вслед ветеран. – А ежели ты замком ружжо свое треснешь, так что из пистоля в белый свет потом будешь пулять?!

«Ох и крепка длань у Матвеевича! – думал солдатик, вылетая за порог. – Прямо как у батюшки в родной деревне!»

По улице бежала вереница солдат с ружьями в руках.

– Чего там? Никак турка к нам через реку полезла? Неужто началось ужо, братцы? – слышались тревожные возгласы в ночи.

– Да не-ет! Похоже, опять учебную бьют, – отвечали им тут же. – Я сам их благородие видел, когда они из своего дома выбегали. Так они совсем спокойные были, даже, извиняйте, зевать изволили. Да точно вам говорю: учебная эта тревога!

Выскочив из боковых улочек к главному форту, толпа попадала прямо на огромный плац, состоящий из утрамбованной до состояния камня земли. Здесь уже образовался длинный общий строй, в котором вырисовывалось несколько отдельных коробок. Перед одной из них прохаживался старший сержант Сорокин Емельян Архипович.

– А вот и моя рота, четвертая, – опознал своего старшего унтера Федот. – Вторая полурота стоит слева, а в ней мой четвертый plutонг.

Вся пятерка опытных егерей из седьмого отделения была уже на месте, и солдат заскочил в общий строй.

– Медленно конные егеря у нас собираются. Вон, все стрелковые уже давно в строю стоят, а этих все нет! – Егоров окинул недовольным взглядом замершие на плацу роты.

– Не заводись, Алексей Петрович, им ведь, кроме себя, еще и о своем коне приходится думать, – Живан кивнул в сторону дальней околицы станицы, откуда

послышался дробный топот. – А вот уже и они, легки на помине, вон как скачут.

Первая конная рота, подлетев рысью к месту общего построения, встала, не спешиваясь, чуть в стороне от всех остальных. Во главе на гнедом жеребце восседал ее командир капитан-поручик Хлебников.

«В минут двадцать уложились, – думал Алексей, оглядывая весь свой батальон. – Так-то для этого времени очень даже хороший результат, учитывая, что солдаты проживают не в общих казармах, а раскиданы по всей станице на местах поста. И все равно им нужно ускоряться, ведь турки много времени на подготовку к их встрече точно не дадут. Дай Бог, если дозор их переправу загодя заметит, а если вдруг нет? Вот и придется на штык их прямо здесь принимать».

– Командиры рот и отдельных подразделений, доложить о наличии людей и о готовности к бою! – отдал он приказ, и от длинного строя к командиру батальона выскочило разом несколько человек.

– Господин подполковник, из первой конной в седле вместе со мной сто один человек, – доложил Хлебников. – Двадцать два егеря находятся в дозоре. Двое рядовых лежат в лазарете.

– Вторая рота: в строю сто девятнадцать. Один, рядовой Стрекалов, в карцере, трое в карауле, два человека – некомплект. Докладывает поручик Скобелев.

– Третья рота: в строю сто двадцать один егерь. Некомплект – один. Трое стоят в карауле. Докладывает капитан-поручик Кулгунин.

– Четвертая рота: в строю сто пятнадцать человек. В карцере находится один, рядовой Косырев. Некомплект – трое. В карауле пятеро рядовых и один капрал. Докладывает поручик Дементьев.

– Ваше высокоблагородие, отдельный plutonг отборных стрелков находится в строю в своем полном составе! – доложил Афанасьев. – Все семнадцать человек к бою готовы.

– Ваше высокоблагородие, из комендантского plutонга пятеро рядовых в караулах. Все остальные в строю. Докладывает подпрапорщик Иванов.

– Ваше высокоблагородие, тыловая группа по сигналу «тревога» готовит к выходу боевой припас и лекарские повозки. В строю все тринадцать человек. Для доклада и связи к вам прислан от интенданта старший писарь батальона капрал Осипов.

– Ваше высокоблагородие, канонирский взвод поднят по тревоге. Ведем подготовку к выходу орудий на марш. Для связи с фейерверкером прислан к вам старший канонир Дудов.

– Ваше высокоблагородие! – вскинул руку к картузу единственный из всех докладывающих рядовой. – Дозорная полурота, как ей и положено по диспозиции, по сигналу «тревога» сразу же убыла в своем полном составе для разведки и для дальнего прикрытия станицы. Оставлен для связи с ней вестовой полуроты рядовой Пахомов.

Подполковник Егоров оглядел стоящую пред ним восьмерку.

– Благодарю, господа командиры, по докладам все понятно. По имеющимся у меня сведениям, в эту ночь ожидается переправа крупных сил противника на наш левый берег с целью его занятия и нанесения дальнейшего удара в сторону Херсона и Елизаветграда. Слушайте боевой приказ. Вторая, третья и четвертая роты выдвигаются сейчас ускоренным маршем к нашим береговым фортам: ко второму, четвертому и пятому соответственно, и, действуя активно, готовятся там отразить атаку неприятеля, взаимодействуя с гарнизонами самих фортов! Первая конная, вы остаетесь подвижным резервом при мне и готовитесь усилить оборону наиболее угрожаемому участку всей нашей пограничной линии. Все, господа, выводите свои подразделения на указанные вам места. Сообщайте обо всем важном в штаб батальона через своих вестовых и... – Алексей особенно выделил последнюю фразу, – ...и соблюдайте все меры предосторожности при обращении с оружием. Без полной уверенности, что перед вами противник, не стрелять! Вперед, господа, с Богом!

Вот уже третий час топала рота по этой набитой, идущей вдоль русла реки дороге. До пятого форта было уже недалеко. Вот там будет поворот у небольшого, поросшего кустарником овражка, а дальше еще версты три по прямой – и уже будет Лупарево со стоящим возле самого берега фортом. В нем-то егеря-черниговцы и ждут их помощи.

– Учебная, да учебная, я вам говорю! – Федот краем уха услышал негромкий разговор бегущих рядом с ним ветеранов. – А то будто бы вы и сами не слышали, как их высокоблагородие в конце своей речи сказал, дескать, блюдите, господа командиры, все меры осторожности при обращении с ружжом, и пока вы сами не узрите неприятеля воотчую, так и не палите в него. А это что значит, братцы? А это значит, что у нас нонче опять учения идут. Уж коли бы лезла турка к нам сюда на берег, так такого бы нам точно не сказали. То бишь опасается командир батальона, как бы мы друг дружку да по своей дури не постреляли.

– Можя, оно и так, видать, что ты здесья прав, Назарка, – ответили егерю из строя бегущей роты. – Однако всякое ведь может случиться, а вдруг и правда к нам басурмане нонче полезли? Вон, намедни казачки сечевые сказывали, что, дескать, опять началось шевеление турок на реке. Нет-нет, а на серединные острова вновь заскакивают их баркасы. С принятием Крыма у нас тут все спокойно стало, а вот же погляди, опять чегой-то тревожное начинается.

– Дыхание берегите, балаболы! – рявкнул пробегающий сбоку от строя старший ротный унтер Сорокин. – На вас сейчас вона все молодые со стороны смотрят, а вы трещите, словно сороки, без умолку. Им-то ведь невдомек про то, что у вас уже привычка, как у коней, к таким-то вот скачкам сложилась. Совсем скоро уже форт будет, добяжите, вот там и побалакаете! – и прибавил ходу, догоняя голову ротной колонны.

Делая небольшую петлю вдоль овражного скоса, строй растянулся, и когда раздались два громких хлопка, егеря заметались, а из кустов послышался громкий крик:

– Два фугаса рвануло, и в вас еще залп из ружей ударил, олухи! У вас, бестолковые, теперь два десятка убитых и раненых!

– Рота, занять оборону в рассыпном строю! Курки у ружей не взводить! Приготовить гранаты! – отдавал резкие команды поручик Дементьев. – Первый plutонг, проверить приовражные кусты, но в сам буерак не лезть! Второй plutонг, вы с отборными стрелками на прикрытие! Третий и четвертый выносят раненых и убитых по дороге к форту!

– Ну куды ты лезешь, Мухин?! – рявкнул капрал. – Ты чего это, не слыхал, что ли, команду? Нам приказано к форту двигать!

– Герасим Матвеевич, да я того охальника просто узрел, что нам из оврага кричал! Ну, вот чего это он там ругается? Уж я бы его там! – и молодой солдатик погрозил вниз кулаком.

– Команды в армии бегом выполняются, рядовой! – выверился командир отделения. – Без году неделя еще на службе, а уже старшим перечишь! Ух, я тебе!

Тишка втянул голову в плечи и выскочил на проселок, где несколько человек уже срубили шесты и теперь ладили самодельные носилки из парусинных тентов.

– Матвейч, а ты сам кого-нибудь там, в этой темени, разглядел? – тихо спросил капрала один из егерей-ветеранов. – Вот-вот, и я там ничего не узрел. А ведь этот твердо на кого-то там внизу указывал! Приглядеться бы к нему надобно, он ведь и на стрельбах лучше многих наших старичков из ружья в мишени бьет. Хотя в этом деле у него опыта всего-то ничего, но зато, видать, глаз шибко хороший.

– Да знаю я, Филя, знаю! – отмахнулся капрал. – Ты что же это думаешь, что я его так вот просто шпыняю? У него полгода из всего рекрутского обучения за спиной, да еще столько же в полковой мушкетерской роте. Неотесанный ведь совсем. Такому если строгого воспитания не дашь, так к нему и солдатский, егерский навык не привьется, и он в первом же серьезном бою тогда сгинет. Ничего, через годок уже не узнаете парня, я из него доброго солдата сделаю. Он еще и в отборные стрелки у нас выйдет!

– Ну, так-то да-а, – пробасил в ответ усач Филимон. – Без воспитания оно никак! Вон, как в полках: молодые через неделю, на вторую, третью постоянно палочки получают. Это у нас тут особое отношение, потому как мы и стрелки, егеря, особливые, знатные.

Рядовой Мухин, выскочив на дорогу, подбежал к Федоту, и они вместе закрепили на срубленных тесаком жердинах снятую со спины скатку из парусины.

– Ты, ты и ты! – кивнул полуротный на тех трех егерей, что были мельче всех ростом. – Еще к ним двоих добавим, и хватит. А ежели дозорные будут возмущаться, что мы мало несем, так скажем, что у всех остальных раны мелкие

и они своими ногами дошли. Все, вперед, вперед, братцы, ходу! Совсем скоро уже рассвет будет, а мы вон еще и до форта не добрались!

Три версты до прибрежного укрепления егеря бежали, не жалея себя. Федота с Тишкой сменяли уже трижды, но все равно они вымотались до изнеможения. Бег в таком темпе с полной боевой амуницией, да еще и с переноской «раненого» на самодельных носилках, отнял у солдат все силы.

– Еще немного, еще чуть-чуть, – твердил сквозь стиснутые зубы молодой егерь.

Небо с востока начинало сереть, и темень была уже не такой густой, как ранее. Глаза начали различать предметы за несколько десятков шагов. Вдруг с левой стороны, из степи раздался резкий свист, а потом еще и еще один.

– Боковой дозор сигнал подает, увидели кого-то! – крикнул пробегающий мимо фурьер, командир четвертого плутонга. – Ефремов, Герасим Матвеевич, меняй переносчиков и ставь всех свободных людей в цепь. Моя чуйка мне подсказывает, что совсем скоро из степи нам надобно будет новую напасть ожидать!

– Сменились на носилках! Всех свободных стрелков в цепь! Оружие к бою! Штыки надеть! – выкрикнул капрал, и рядом с ним начали выстраиваться в пока еще жидкую линию егеря.

Вытирая на ходу лицо от пота, в эту же цепь заскочили и Федот с Тишкой, а их носилки с «раненым» уже тащила в сторону близкого форта другая пара.

Щелк! Граненый штык пристегнулся к дульной застежке ружья. Откинута крышка на полке ударного замка. Так, затравка на месте, кремь зажат в губках, а курковый винт туго затянут. Все, фузея к бою готова.

Из темноты выскочили трое дозорных егерей.

– Вашбродь! – выкрикнул на бегу один из них. – Тама конница степью идет! Сколько ее, неведомо, темно уж больно. Сейчас, совсем уже скоро на нас накатит.

Командир роты поручик Дементьев обернулся на сереющие уже неподалеку прибрежные укрепления. Всего пять, от силы семь сотен шагов было до них. Еще один хороший рывок – и тогда егеря будут под защитой редутов форта. Но нет, не успеть. А может, конница только того и ждет, что пехота сейчас спасует и бросится сломя голову к спасительному укрытию. Вот тут-то она ее и посечет, а на плечах остатков отступающих ворвется на валы бастионов. А что, чай, уж по своим-то русские в упор палить точно не будут?!

– Внимание, рота! – выкрикнул поручик, оглядывая всю сотню стрелков. – Строимся в каре. Всех раненых в центр, и пятимся к форту. Не бежать! Я сказал – не бежать!

Выскочивший из степи эскадрон пикинеров встретил ровный квадрат егерей, ошетилившийся штыками. Он медленно и уверенно отходил в сторону чернеющего форта. На земляных валах редутов уже вспыхнуло несколько факелов, и было видно людское шевеление.

Всего сотня шагов до конницы! Тишка уже различал в ее массе отдельные фигуры. Какая хорошая цель! Была бы команда – уж он бы точно свалил вон того офицера, что выкрикивал какие-то приказания своим. А потом еще и еще, сколько бы только успел перезарядиться. Да и пистоль, пусть он даже и плохонький, из трофейных турецких, тоже бы ему сгодился напоследок, и он нащупал локтем его рукоятку. Но нет, нельзя. Это свои, херсонские пикинеры. Для них это тоже такие же учения, как и для егерей.

Командир конницы, которого сейчас так старательно выцеливал Тишка, да и, похоже, не только он один, обернулся к своим людям и отдал резкую команду. Две сотни всадников развернулись и, пришпорив коней, пропали в степи, а каре егерей в это время ускорило шаг и наконец-то приблизилось к валам форта.

– Взбирайтесь сюды, наверх, робята! – Крепкий усач унтер из черниговских егерей махнул подходящим рукой. Трое его подчиненных напряглись и сдвинули вбок огромную тяжеленную фашину.

В открывшийся проход зашел первый десяток солдат.

– Ну, все, кажись, добрались! – Командир четвертого plutонга подпрапорщик Травкин снял картуз и подставил мокрую от пота голову под дуновение

ветерка. – Теперяча нас отседова уже не просто так будет выкурить! Все! У нас здесь и пушечка, какая-никакая, а уже тоже имеется! – и он похлопал по стволу шестифунтовика.

* * *

– В целом последние суточные учения с итоговыми полигонными стрельбами в самом конце показали удовлетворительную слаженность всего личного состава нашей пограничной линии! – докладывал на разборе в главном форте Николаевской квартирмейстер отдельного особого батальона капитан Гусев. – Все подразделения, несущие здесь службу, поднялись по тревоге быстро и безо всяких задержек, после чего они начали выдвигаться в указанные им по диспозиции точки. Но вот тут-то и начались первые серьезные ошибки, которые могли бы привести во время начала настоящих боевых действий к большим потерям, а может быть, даже и к разгрому. Вторая рота, также как и все остальные, подверглась на марше нападению из засады условным противником в лице егерей из дозорной полуроты. Ее командир, подпоручик Скобелев Александр Семенович, решил, что необходимо обязательно изловить тех злодеев, что подорвали его подчиненных своими фугасами. Он организовал их преследование силами своей первой полуроты, а вот вторую, оставшуюся с ранеными и убитыми, в это самое время атаковал первый эскадрон херсонских пикинеров. Будь такое в настоящей жизни, рота как боевая единица определенно бы существовать перестала. Обе ее половины были бы непременно вырублены, а вот береговой форт, ожидающий подкрепление, следовательно, его бы уже не дождался и пал в первый же час боя при большом турецком десанте.

Пунцовый подпоручик выслушивал стоя замечания батальонного квартирмейстера. Со всех сторон большой комнаты цитадели на него сейчас смотрели десятки пар глаз собравшихся на подведение итогов учений командиров.

«Как же стыдно!» – думал Сашка. Вот только год как после прихода из Крыма доверили ему в командование целую роту. Он ждет повышение в чинах. И надо же было такому случиться, вот так опростоволоситься! Увлёкся, впал в азарт, погнался за этими дозорными, чтоб им! Как же они его грамотно растравили, показав при этом свою мнимую слабость, дескать, бери нас, подпоручик, скорее, вот мы совсем рядышком и все уставшие. А он и рад им был поддаться! Как же

теперь смотреть в глаза командиру батальона? Алексей Петрович доверил ему целую роту, больше сотни людей! Он поверил в него, забыл про тот конфуз с пленением в Крыму. Наверное, думал, что он набрался опыта. И ведь именно ему, молодому подпоручику, целую роту дал, хотя и другие кандидаты на нее были. А вот же на тебе! Подвел он господина подполковника! Стыдно! Как же стыдно! Скобелев был не в силах поднять глаза. Так он и стоял дальше, понурился голову.

– Передовой и боковой дозоры четвертой роты, так же, кстати, как и у второй, не смогли обнаружить засаду условного противника, в результате чего у нее были подрывы, и рота понесла потери среди личного состава. Но, к чести поручика Дементьева, он не дал себе увлечься погоней, собрался, чуть отогнал засадников десятком своих стрелков, а всех остальных оставил в боевых порядках на случай нападения. После чего его рота продолжила марш к своему форту, и по ходу движения к нему егеря грамотно встретили конницу пикинеров. В целом рота Дементьева свое задание, в отличие от роты Скобелева, выполнила, но, правда, понесла неоправданные потери при подрыве фугасов и от ружейного огня из засады. Ну и третья рота, – докладывающий квартирмейстер посмотрел на вставшего капитана-поручика Кулгунина. – Вот что значит опыт, господа! Не зря Олег Николаевич тринадцать лет в егерском батальоне полковника Мекноба служил! Все те ошибки предыдущих командиров, которые мы с вами здесь разбирали, с ним лично на этих учениях не случились. Везде его люди действовали весьма четко и грамотно. Засаду они обнаружили загодя и условно ее уничтожили, а от конницы неприятеля отбились. В свой форт пришли вовремя, не понесся на марше потери. Вот, берите пример с настоящего егеря-командира, господа офицеры. Капитан-поручик еще под Силистрией в ту войну с турками себя прекрасно показал. Под Козлуджей отличился, а теперь, я верю, и в нашем батальоне он себя еще покажет.

Офицер стоял перед всеми присутствующими и краснел, также как и все предыдущие, критикуемые до этого командиры. Похвала – это дело такое, она ведь от своего большого внимания тоже человека в большую сумятицу и волнение вводит.

– По первой конной роте серьезных замечаний у нас нет, – продолжил доклад Сергей Владимирович. – Все свои задачи она выполнила полностью. Так, далее. Тыловая группа развернулась, как ей и положено, и по лекарской, и по интендантской своей части. К канонирам и комендантским тоже замечаний у нас нет. Ну а по дозорной полуроте – так это только то, что они обмишурились с

засадой супротив Олега Николаевича. Как уж это наших таких заслуженных пластунов и смог обнаружить его боковой дозор, про это будет отдельный разговор, и он у прапорщика Осокина со своими орлами еще обязательно состоится. А вот, стало быть, третьей роте в этом деле – почет и уважение в отличие опять же от дозорных.

Теперь уже краснеть пришлось и командиру пластунов Тимофею Захаровичу.

Алексей с прищуром смотрел на здоровяка разведчика. «Да-а, достанется теперь всей дозорной полуроте на орехи. Ох и сильно же достанется! У Захаровича норы крутой, сам он из солдат, унтеров вот только недавно вышел, по ступенькам всю лестницу военной иерархии от рядового и до их благородия своими ногами прошел. И этим первым офицерским чином, а также особым статусом разведчиков теперь очень и очень дорожит. Не позавидуешь пластунам-волкодавам! Хороший щелчок они по носу получили. Да и поделом им, уж больно они голову начали в последнее время задирать, посматривая с высоты на обычные стрелковые роты. Как же, почти что все ветераны там собрались. Только лишь у семерых разведчиков на их картузах нет волчьих хвостов. А тут такое: самые обычные стрелки-егеря – и то им смогли нос утереть!»

– Прошу вас садиться, господа офицеры! – Алексей кивнул всем стоявшим. – Общую оценку учениям, думаю, можно поставить «удовлетворительно». Все ошибки мы еще раз разберем со всеми командирами в расширенном составе, а придет время – так и перепроверим, как все смогли усвоить этот урок. Главное – это не повторять их в будущем, а уж тем более во время реальных боевых действий. Потому что сами понимаете: на войне это большая кровь и смерть. Тот, кто в ней опытней и хитрее, вот тот и останется в итоге целее. Обучаемый сделает для себя нужные выводы, ну а по, извиняюсь, «упертому» их сделаем мы уже сами. Сейчас всем отдыхать. Сегодня у нас суббота, предобеденные занятия я отменяю, ну а потом будет баня. Как там, Степан Матвеевич, у тебя для хорошего отдыха после таких трудных учений все ли готово?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – подтвердил исполняющий обязанности старшего батальонного интенданта каптенармус Усков. – Большая батальонная баня уже топится, ну, мы еще и с тремя станичниками сговорились по их дворовым, чтобы у нас для всех сегодня парку досталось. Ротные командиры о времени помывки своих людей уже извещены. Мыльные принадлежности имеются.

Глава 2. Чтобы все было ровно, как по нитке!

1785 год на Бугской пограничной линии был спокойным. Только недавно к Российской империи был присоединен Крым. Эта победа дипломатии Российской империи и ее доблестных войск была практически бескровной. В январе 1783 года хан Шахин Герай отрекся от своего престола, а уже в апреле того же года, практически молниеносно по меркам этого неторопливого времени, Екатерина II издала манифест о включении его владений в состав России. Это событие породило в Стамбуле самую настоящую истерию. Общественное мнение турок, «накрученное» не без помощи западных друзей, взывало к высокому престолу с требованием «выбить этих дерзких неверных из Крыма». Султану нужно было что-то делать, но государственная казна на тот момент была совершенно пустой. Платить воинам было нечем, а османская армия была не готова к сражению со столь сильным и опытным противником. И от войны с коварными русскими турки были вынуждены отказаться. Большую роль в этом сыграло и то золото, что перекочевало в бездонные карманы сановников Блистательной Порты от русского посла Якова Ивановича Булгакова. Однако всем было понятно, что то хрупкое перемирие, которое сейчас наблюдалось между двумя империями, надолго не задержится. Слишком велики были между ними взаимные претензии и противоречия. Многие умные люди, как в этих странах, так и на западе, понимали: война – это дело ближайших лет.

В России к будущей войне готовились. В стране шли системные и всеобъемлющие реформы. Вот только что, к середине восьмидесятых годов восемнадцатого века, завершился первый этап этих реформ с усилением и централизацией власти в огромной стране. Сенат при Екатерине II превратился в главный судебный и административный орган с последующим делением его на департаменты. В Малороссии было ликвидировано гетманство. Прошла и всероссийская секуляризационная реформа с упразднением многих монастырей и изъятием их земель в пользу государства, что в итоге привело к серьезному увеличению сборов налогов. Сейчас же, в эти восьмидесятые годы восемнадцатого века, шло реформирование системы образования, в результате которого по всей необъятной стране открывалось множество учебных заведений самого разного уровня.

В результате уже проведенной к этому времени денежной реформы в России началось использование бумажных ассигнаций, и был учрежден Государственный ассигнационный банк. Только что завершилась и губернская реформа с переходом административного деления страны из трех звеньев на двухзвенный уровень. То есть теперь территориально она делилась на уезды и наместничества. А при проведении таможенной реформы в стране организовалась единая, централизованная таможенная и пограничная стража. При проведении полицейской реформы теперь в каждом городе образовался свой новый административный орган – управа благочиния. Таким образом, в Российской империи появилось полицейское право, и были учреждены новые должности – квартального надзирателя и частного пристава.

После победы в Первой турецкой войне был опубликован манифест о свободном предпринимательстве, снимавший все тяготы со многих промыслов и разрешавший заниматься населению «...кузнечным делом и заводить всякого рода станы и рукоделия». Этим же манифестом всем бунтовщикам прощалось участие в крестьянской войне 1773–1775 годов, а беглым крестьянам было дозволено вернуться на места их прежнего проживания без всякого опасения быть наказанными.

И наконец в 1785 году императрица подписала жалованные грамоты дворянству и городам. По ней дворяне теперь закрепляли свой статус благородного сословия с освобождением их от телесных наказаний. Пожалованы были им и другие привилегии. По всей стране отныне учреждались дворянские собрания, решавшие многие вопросы на местном, уездном уровне.

Что сказать, дворянство еще долгие годы было опорой престола российского самодержавия.

Жалованная грамота по городам регламентировала и статус сословия «городских обывателей», которое охватывало широкий круг лиц, от посадских ремесленников и до купцов 1-ой гильдии.

Шла большая военная реформа названная современниками «Потемкинской».

Весь этот огромный и зачастую противоречащий друг другу комплекс реформ был направлен на создание государства европейского типа, то есть на логическое завершение петровских преобразований, осуществлявшихся сейчас

методами просвещенного абсолютизма и на базе идей гуманного правосудия. Правовое оформление сословной структуры всего общества страны уже завершилось, и теперь была предпринята попытка привлечения к государственным реформам широкой общественности с переносом части управленческих функций из центра на места.

Политика в отношении крепостных отличалась противоречивостью, так как, с одной стороны, произошло усиление власти помещиков, а с другой – были приняты меры, ограничивающие крепостной гнет и жестокость в отношении крестьян.

В сфере экономики были ликвидированы государственные монополии и провозглашена свобода торговли и ремесленной, промышленной деятельности. Вводился государственный контроль над всеми расходами.

Несмотря на противоречивость всех этих преобразований и на тормозящее общее развитие государства крепостное право, страна, получившая мирное десятилетие, сейчас стремительно развивалась. Россия усиливалась и готовилась к новой войне на своих южных рубежах, понимая, что этот мир не будет долгим.

Крепить эти южные рубежи начали сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского мира. В 1778 году на Днепре был основан город Херсон с его мощной крепостью и верфью. И уже через год там началось строительство первого линейного корабля – «Слава Екатерины». Усиливалась и крепость Кинбурн, стоящая на длинной одноименной косе и контролирующая проход с моря к Днепру. А в мае 1783 года в только что присоединенном к империи Крыму, в Ахтиарской бухте, на месте земляных Суворовских редутов началось возведение мощных береговых батарей. В глубине бухты отстраивались арсеналы, казармы, склады и дома. Уже в августе там была освящена первая, пока что небольшая, каменная церковь. Совсем скоро это место станет главной базой для Черноморского флота и городом русской воинской славы Севастополем.

Во всем этом самое деятельное участие принимал генерал-губернатор огромного южного края – Новороссии – Потемкин Григорий Александрович. В Крыму он создал своего рода «свободную экономическую зону» этого времени. По указу императрицы все порты полуострова были освобождены от уплаты таможенных пошлин сроком на пять лет, а сама таможенная стража была переведена на

Перекоп. Новая российская губерния активно заселялась выходцами из центральной, русской провинции. Потемкин пригласил сюда же и множество иностранцев, специалистов по садоводству и виноградарству, шелководству, лесному хозяйству и полеводству. Эти приглашенные учили вести хозяйствование по совершенно новым, прогрессивным для этого времени методам. Очень серьезно увеличилась за последние годы в Причерноморье и добыча соли. Только за один лишь 1784 год ее было добыто на солеварнях, а потом продано во внутренние губернии страны и за границу более двух миллионов пудов против восьми сотен тысяч всего лишь одним годом ранее. Огромная Дикая степь и малозаселенная Таврида начали быстро благоустраиваться, и уже через десяток лет вся эта земля превратилась в цветущую Новороссийскую губернию.

Сейчас же перед Российской империей стояла задача защитить ее и отодвинуть военную угрозу подальше от границ.

* * *

– Ваше высокоблагородие, к вам господа офицеры из Елизаветграда прибыли, – доложил Егорову вбежавший в большой зал цитадели вестовой. – Там трое верхами, да при двух десятках охраны, и один на бричке сидит, тучный такой, шибко важный господин. А еще он недовольный какой-то!

Алексей отбросил карандаш на расстеленную на столе карту и кивнул стоящим рядом заместителям:

– Ну что, господа, пойдете поглядим, что там за важных гусей к нам принесло нынче. Потом, чуть позже, продолжим наш дальний выход планировать.

Перед центральным проходом в форт, широко расставив ноги, стоял главный интендант всей южной днепровской армии полковник Глухов.

– Здравствуй, здравствуй, голубчик, – махнул он пухлой ладошкой в ответ на приветствие подполковника. – Жара у вас тут такая стоит, что ажно жить с нее не хочется! Вроде бы и море-то совсем рядом, а вон ведь как из этой степи, словно бы из натопленной печи, зноем пышет! Небось, оттого-то и все твои егеря словно бы мухи сонные ползают?

– Да где же это они сонные-то, Антон Павлович? – пожал плечами Алексей. – Батальон мой вот только что с ночных стрельб в место квартирования вернулся. Три часа он передохнул и теперь опять вон на учебные полигоны выходит. А на прошлой неделе мы ведь тоже более двух суток в полях провели, и это еще не считая повседневной, ежедневной учебы и службы. И ничего, бодры и веселы все мои егеря. Хоть сейчас в самый дальний поход барабанам бить.

– Так уж они и бодры?! – усомнился высокий гость. – Коли были бы таковыми, так все бы заборы заново побелили. Те же кустья бы вон вокруг пообломали да еще и бурьян по обочинам дорог весь скосили. Вон, даже и на плацу у вас какой слой пыли лежит. А недавно мимо нас плутонг проходил, так и на них она так же, словно бы корка, лежала. Хоть палками ее из твоих солдат выколачивай!

– Анто-он Па-авлович, – протянул Егоров, – да какая же там пыль? Тут вон, как только суховей со степи порою повеет, так всюду песок набивается, да еще и на зубах хрустит, – и подполковник махнул в сердцах рукой.

– И все равно, вокруг прибраться придется, причем так прибраться, чтобы у вас здесь как на столичном прошпекте было! – Интендант кивнул командиру батальона. – Отойдем-ка со мной в сторонку, господин подполковник. Алексей, всего через пару недель здесь у тебя будут очень высокие гости, причем такие высокие, что охо-хо-о! – и Глухов закатил глаза. – Кто от нашей матушки императрицы всю вот эту южную часть империи курирует, да и вообще кто над всеми нашими войсками для самого высшего надзора приставлен? Смекаешь, небось, о ком я сейчас толкую? Вот то-то и оно! Да он еще и не один ведь здесь будет, а с большой столичной свитой. А в этой его свите много, знаешь ли, всяких капризных господ. Тут ежели им вдруг не угодишь, так можно и своей должности лишиться, а то и вообще в опалу даже попасть. Так что ты это, Алексей, давай-ка бросай все эти свои никчемные учения, полигоны, стрельбы и, как у тебя там, дальние выходы. Ну, вот скажи мне на милость, кому они здесь только будут нужны?! Ты лучше начинай большую, генеральную приборку везде. Из учений, ну, только ежели одну шагистику оставь, да и не просто даже оставить, а лучше бы вам на нее подналечь. Думаешь, нужна им всем будет эта твоя егерская выучка?! Пойми, их превосходительства – они ведь только на ровный парадный шаг любят глядеть! Или я чегой-то не понимаю во всей этой жизни?

– Да нет, господин полковник, все вы правильно понимаете, – вздохнул Алексей. – Понял я, займемся строевой подготовкой. Только вот у меня половина

егерей ведь в старье ходит, штопанные-перештопанные мундиры на них. Обувка так и вообще у многих на ладан дышит, вся кожаная амуниция изрядно потрепанная. Обещали же в это лето все поменять.

– Ты это, Алексей, ты вот не зли меня сейчас, а?! – Глухов начал багроветь. – Тебе и так более, чем всем другим, военного снаряжения отпускается. Или же ты сейчас хочешь с главным интендантством всей южной армии поссориться?

– Да нет, Антон Павлович, что я, враг себе, что ли? – усмехнулся подполковник. – Понял я все. Будем сами думать, как нам тут выкручиваться.

– Вот-вот, ты это, давай-ка выкручивайся, – произнес с легкой ехидцей в голосе интендант. – Не зря же вам такие хорошие премиальные за этот Крым пришли? Да и само жалованье у всех твоих людей аж на целую треть по сравнению с полковыми выше. Как столичная гвардия вы у нас здесь выплаты получаете! Избаловались вон совсем. Ладно, оставляю вам в помощь секунд-майора Трохина, – кивнул он в сторону прибывших с ним офицеров. – Он тут присмотрит за вашей подготовкой, может, чего и дельного подскажет. А я у вас тут переночую и опосля уже на Кинбурн двину. Их высокопревосходительство изволит и эту самую отдаленную нашу крепость посетить. Охо-хо-о! Сколько же мне еще по этой жаркой степи-то предстоит трястись! Ну, ладно, пошли Алексей Петрович, давай, показывай свое здесь хозяйство. Потом уж, я надеюсь, у тебя, небось, найдется, чем сносным нас покормить?

* * *

Две недели после уезда интендантских чинов прошли в большой спешке и беготне. Секунд-майор Трохин, оставленный приглядывать за подготовкой к приему высоких гостей, зудел большой и надоедливой мухой. Все, по его мнению, в хозяйстве у Егорова было неправильно и в корне неверно. Егерям, казакам и конным пикинерам нужно было белить не только лишь заборы, склады и караульные будки в главной станице, но еще и всякие строения в фортах и поселениях на всей протяженной линии. И самое главное, что было необходимо в представлении хозяйственного майора, – так это снять с укреплений все эти драные рыбацкие сети, обсыпанные сверху какой-то дрянью. Те сети, которые здесь назывались на чудной лад – маскировочными.

Кусты вокруг всех населенных пунктов и укреплений пограничной линии были, по его мнению, пострижены абы как и наперекосяк, а не вот ровненько и как бы по ниточке.

Бурьян на всех обочинах солдаты, конечно же, скосили, но ведь тоже неаккуратно, а кое-где после этого так и вовсе проплешины, песок и пыльные камни стали видны.

Ну и самым главным недостатком на Буге была шагистика! Шагистики-то, почитай, так и вовсе здесь не было никакой. Солдаты должны были сутками напролет после всяких там работ топтать своими сапогами плац, а они вон опять каким-то там егерским делом занялись! «Ура» вон на поле кричат, в каре строятся, потом вдруг в цепь рассыпаются и круглые железяки в учебные крепостицы кидают. А опосля этого так еще и на их валы этих крепостиц бегом забираются. Ну и какая же тут подготовка к такой вот высокой инспекции?!

– Федор Елистратович, ты обещал полковнику Глухову на меня пожаловаться? – Алексей в раздражении отмахнулся от надоедливого майора. – Ну, вот и жалуйся, давай. Только уж не мешай и нам здесь своим делом заниматься!

– Да какое же это дело, Алексей Петрович? – вопрошал в великом волнении приставленный от главного интенданта армии штаб-офицер. – Нам с вами господин полковник ведь четкие указания дал, что тут надобно делать, а мы ведь вообще уже и не знаю даже чем занялись! Не дело это, господин подполковник! Надобно немедленно прекращать сие безобразие!

Все, достал уже! Лешка резко, чуть было не толкнув назойливого интендантского, развернулся и уставился на него в упор.

– Господин майор! Потрудитесь наконец-то услышать меня, повторяю это вам в очередной, и очень надеюсь, что в последний, раз. Мои люди на пограничной Бугской линии, где я поставлен старшим начальником, будут исполнять мои, повторяюсь, только лишь мои приказы! И я сам за все отвечу перед самой высокой инспекцией и перед генерал-фельдмаршалом лично!

– Но ведь Антон Павлович... – жалобно протянул майор.

– Вот и докладывайте Антону Павловичу все то, что находите нужным, хоть через вестовых, а хотя бы и лично! Можете вот прямо сейчас к нему и оправляться. Я вас более не задерживаю, господин секунд-майор! Честь имею! – и подполковник, развернувшись, пошел скорым шагом в сторону стрелкового полигона, откуда слышалась частая россыпь выстрелов.

– Все пропало, все пропало, – интендант тяжело вздохнул и, понуриив голову, поплелся в противоположную сторону. – Как пить дать, теперь за Урал, в самый захолустный гарнизон или вообще в дикую киргизскую степь сошлют.

Алексей приходил домой затемно. Чаще всего Ильюшка с Настенькой уже спали, и он, погладив их светлые головушки, лежащие на подушке, садился за стол ужинать. Катарина пристраивалась рядышком и смотрела, как муж работает ложкой, уплетая наготовленное.

– Похудел-то ты как за эти две суматошные недели, Лексинька, вон, аж скулы у тебя выперли. Лицо загорелое, а вот волос совсем под солнцем выбелило, – и она погладила его по мягким, словно бы льняным волосам.

– Ничего, вот проводим этих господ столичных – быстро потом отъемся. Буду у тебя таким толстым и важным подполковником, – шутил Лешка. – А что, теперь-то уже можно мне, небось? Только вот недавно тридцать один год ведь исполнился. Пора бы уже и дородность, и статью набрать?

– Да конечно, – засмеялась Катарина. – Тебе только и набирать эту дородную статью. Ты же у нас из породы борзых, из гончих будешь. Сплошные жилы да кости, жиринки даже нет, и ухватиться-то не за что!

– Не борзых, а волкодавов, – поправил жену Алексей. – Главное, чтобы у тебя было бы за что схватиться! – и под писк Катаринины он сгреб ее в охапку.

– Тихо ты, ошалелый! Детей вон разбудишь! – попробовала она вырваться из крепких объятий.

– Едут! Едут! – дозорный десяток влетел с восточного шляха с докладом в Николаевскую. – При конном эскадроне с десяток больших карет и столько же малых бричек пылит! Две кареты все в позолоте и вензелях, ни разу мы таких не видели! – рассказывал Луковкин Иван.

На огромном поле были выстроены Херсонский пикинерский и Бугский казачий полки, а с правого фланга стоял особый отдельный егерский батальон. К ним-то, миновав дорожную заставу, и проследовала вся огромная кавалькада повозок и охранный эскадрон драгун.

Высокий человек с орлиным носом, в богатом камзоле и в черной треуголке, опираясь на полированную трость, вышел из огромной, покрытой сусальным золотом кареты.

– Смирно! Равнение на середину! – и, печатая шаг по уплотненной до состояния камня земле, Алексей направился к Потемкину.

Опираясь на свою трость, Григорий Александрович величественно оглядывал все выстроенные перед ним воинские подразделения.

– Ваше высокопревосходительство, господин генерал-фельдмаршал, войска Бугской пограничной линии для приветствия построены! Докладывает старший линии подполковник Егоров!

– Здравствуйте, орлы императрицы! – над полем раскатился густой начальственный бас.

– Здра-авья желаем, вашвысокопревосходительство! – над степью тысячами голосов раскатилось громогласное воинское приветствие.

– О, вон как дружно-то! – вскинул голову Потемкин. – Небось, все две недели на этом самом парадном плацу тренировались и все к моей встречи готовились? – и он покосился на вставшего сбоку и чуть сзади него подполковника.

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – Алексей сделал вперед два шага. – Ждали вас с нетерпением и готовились, но не только лишь к одной парадной части, а по большей части даже и к боевой!

– Это как так, подполковник, к какой такой боевой? – Потемкин с интересом посмотрел на Алексея. – Ну-у, и чего ты тут удумал, Егоров, давай, давай рассказывай! Я ведь тебя еще с самой Валахии помню. Теперь-то ты чем меня порадуешь и чем угодишь?

– Ваше высокопревосходительство, – Алексей решительно тряхнул головой, – парады и красивые строевые экзерциции вы уже множество раз всюду смотрели, а я предлагаю вам оценить самую боевую выучку пограничных бугских войск. Если вы только позволите, то мы проведем для вас военные маневры прямо вот здесь и на этом самом участке степи.

– Маневры, говоришь? – Потемкин заинтересованно посмотрел на подполковника. – Вот прямо тут, на этом самом поле?

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – кивнул Алексей. – Не извольте беспокоиться. Для подготовки к ним нам совсем немного времени потребуется, а вам даже и на жару-то не придется долго томиться. Четверть часа не успеет пройти – и тенек, и прохладительные напитки здесь, на этом самом месте, у вас будут.

– Ну, хорошо, давай, действуй, Егоров, – махнул рукой Григорий Александрович. – Посмотрим, как это у тебя тут получится.

Алексей козырнул и отбежал к середине общего строя.

– Внимание! Согласно пожеланию генерал-губернатора Новороссии и командующего всеми южными войсками Российской империи фельдмаршала Потемкина Григория Александровича сим днем и на этом самом месте будут проведены показательные воинские маневры. Каждый солдат и командир свое место и дело уже знает. Приказываю всем начать подготовку к маневрам незамедлительно! Старшим подразделений развести своих людей!

По команде выбежавших вперед офицеров длинный воинский строй рассыпался на отдельные отряды, и на обширном поле началась деловая суматоха. Уже через пару десятков минут сбоку высились несколько собранных шатров из белой парусины, а в их глубине виднелись накрытые столы.

– Ваше высокопревосходительство, – обратился к Потемкину Алексей, – не изволите ли пройти в шатер? Там вам будет не так жарко, как здесь, под этим южным солнцем.

– Занимательно, очень занимательно, – покачал тот головой, продолжая наблюдать, как сотни людей прямо на его глазах сооружают на поле небольшую крепость.

Все было приготовлено заранее, и, расставляя огромные корзины и щиты, сплетенные из ивовых прутьев, подтаскивая к этому месту мешки с песком, рогатки и бревна, солдаты сновали словно бы муравьи.

– Вам волю дай – так вы бы еще и рвы здесь успели вырыть, да и валы тут, небось, насыпали бы, так ведь, подполковник? – фельдмаршал с улыбкой кивнул на уже возвышающиеся неподалеку временные укрепления.

«Долго, долго тянут», – думал в это время Алексей.

Время сейчас работало против «пограничников». Утомится на жарком южном солнце всесильный Потемкин, разобидится, разозлится на них, вот и будут им всем тогда маневры! И он поманил стоящего поодаль вестового:

– Матвей, беги быстрее к прапорщику Осокину, пускай он свою полуроту выводит перед нами и устраивает здесь показательный рукопашный бой. Пусть все то, что мы на занятиях отработывали с ними, являют перед высоким начальством. Скажи, что если через пять минут они тут не начнут, то всем нам худо будет. Ну, беги, давай!

Пяти минут еще не прошло, и в десятке шагах перед Потемкиным расположилось около трех десятков егерей. Они быстро разбились по парам, и началась потеха.

– Это что это они у тебя делают-то такое, а, Егоров?! Ох и хороши! – восхищенно воскликнул фельдмаршал, наблюдая, как Огнен, отбив своим штыком направленный ему в грудь чужой клинок, быстро обезоружил нападающего. А потом, перехватив и второго атакующего с саблей, выбил ее из руки и бросил самого владельца на землю. У солдата только ноги мелькнули в воздухе.

– Ой-ей! – воскликнул Григорий Александрович. – Зашиб ведь, зашиб, поди, насмерть!

Но упавший на землю вскочил как ни в чем не бывало и снова кинулся на капрала с кинжалом.

– Хэк! – раздался резкий крик. Выбитый кинжал воткнулся в землю возле пары, а взятый в захват соперник уже укладывался Огненом на землю. Минута – и его руки были жестко связаны за спиной, а во рту торчал матерчатый кляп.

Все остальные пары из дозорной полуроты вытворяли сейчас перед главнокомандующим все то, на что они были способны. Разведчики поймали кураж, и Алексей теперь даже начал волноваться, как бы они и правда не нанесли друг другу случайное увечье. Слишком уж жестко они на этом поле работали. Но оно явно того стоило! У Потемкина азартом горели глаза, и он с волнением переступал с ноги на ногу. Да и вся свита, стоящая за его спиной, тоже замерла в напряжении. А ведь в ней были уже такие знакомые Алексею люди. Рядом с двумя генералами стоял барон фон Оффенберг собственной персоной. Словно почувствовав на себе взгляд Алексея, он сощурился в хитрой улыбке и, легонько ему кивнув, погрозил пальцем.

«Ясно, это мне совет не увлекаться», – понял по-своему этот сигнал Лешка. Пора было уводить с поля «рукопашников».

В это время от возводимой в стороне крепости подбежал старший сержант Дубков.

– Ваше высокопревосходительство, разрешите обратиться к господину подполковнику! – выкрикнул застывший перед фельдмаршалом по стойке смирно ветеран.

– Обращайтесь, – милостиво кивнул тот.

Макарович сместился на два шага влево.

– Господин подполковник, учебная фортеция готова. Секунд-майор Милорадович испрашивает разрешение начинать маневры! И еще он просит уточнить:

разрешено ли нам применять шумовые и дымовые гранаты и стрелять холостым патроном?

Алексей вопросительно посмотрел на Григория Александровича.

– Дозволяю, – кивнул тот. – Вижу, что вы уже загодя готовились ко всему этому. Давайте уж, шумите. Только осторожно, чтобы никого не покалечить ненароком.

– Есть никого не покалечить, – козырнул Алексей и махнул рукой Осокину. – Довольно, прапорщик, заканчивайте! Уводите с поля полуроту. Молодцы!

– Ну что, пошли, Егоров, и мы в тенек? И правда ведь солнце вон как печет. – Потемкин развернулся и направился к самому большому шатру. Вся свита фельдмаршала потянулась следом.

– Ваше высокопревосходительство, напитки только что из погребов, а на столах у нас все свеженькое! – Секунд-майор Трохин угодливо поклонился и снял со столешниц льняные покрывала. Перед вошедшими в шатер расставленные здесь столы, что называется, «ломались от изобилия». Сыры, фрукты, мясная и рыбная нарезка, пироги с самой разной начинкой и прочие блюда выглядели сейчас очень аппетитно. Тут же рядом стояли глиняные кувшины и бутылки из мутного зеленого стекла.

– Хмельное я точно не буду, жарко уж больно сегодня, – поморщился фельдмаршал. – Да и голову хочу ясную иметь. Что у вас тут из прохладительного питья вообще есть?

– Лимонная вода на меду, ваше высокопревосходительство, просто изумительная нынче получилась, – показал на запотевший кувшин Трохин. – Еще есть охлажденный сбитень с душистым зверобоем, с имбирем и шалфеем. Есть со стручковым перцем и с лавровым листом, а есть и с добавлением красного вина или без оного. А вот на этот взгляните, он с мятой и гвоздикой. Пожалуйста, ваше высокопревосходительство, вот холодненького кваса отведайте: овсяного, ржаного или же резкого с хреном и со свекольным соком.

– Давай-ка мне лучше мятного сбитня, голубчик, – прервал майора Потемкин. – Эка ты ловкий, – и поднес к губам бокал с налитым в него напитком.

А на поле, шагах в двухстах от только что возведенной на скорую руку крепости, в это время уже выстраивалась пехотная колонна. За ней стояли два эскадрона херсонских пикинеров и виднелись три единорога на конных передках.

Из самого дальнего, южного конца поля, вздымая клубы пыли, вдруг вылетела большая конная масса. Послышалась резкая команда, и из пехотного строя выскочило вперед около полусотни стрелков, рассыпавшись сразу же в цепь.

«Бах, бах, бах!» – раздалась громкая дробь выстрелов, и вся эта растянутая цепь застрельщиков покрылась серыми облачками дыма.

– Кавалерия условного противника, прикрывая свою крепость, ведет атаку на нашу пехотную колонну, – указывая на поле рукой, пояснил все происходящее там Алексей. – Цепь егерей-застрельщиков ведет по ней дальний огонь из штуцеров. Три пары пионеров перед этой цепью устанавливают фитильные мины.

Вот конница «неприятеля», обогнув с обеих сторон крепость, устремилась к колонне. Пионеры, воспламенив фитиля на подрывных шашках, бросились вслед за отступившими застрельщиками.

«Ба-ах! Ба-ах! Ба-ах!» – три взрыва взметнули вверх облака дыма и пыли.

– Опасно! – протянул недовольно генерал Гудович. – Что это за причуды такие? А ежели они ненароком покалечат тут кого?!

– Иван Васильевич, ну ты хотя бы одного всадника, выбитого из седла, здесь заметил? – усмехнулся другой, смутно знакомый Алексею генерал. – Вон у них как здесь все слаженно. Шагов за сто от первого всадника эти самые мины взорвались.

– Ну, не знаю, не знаю, – качал недовольно головой Гудович. – Все равно ведь это не игрушки, при такой-то большой скученности народа!

В это время, заглушая последнюю фразу генерала, раздались ружейные залпы из пехотных шеренг.

– Фугасы своими взрывами защитили отступающих застрельщиков с пионерами и дали им возможность укрыться в нашей пехотной колонне, – озвучивал дальнейший ход боя Алексей. – В настоящем сражении сии мины, начиненные свинцовыми шариками и мелкой железной обрезью, убьют или покалечат множество коней и всадников. Они создадут завалы из их тел и внесут самую первую сумятицу у атакующих. А вот теперь уже и пехота, стреляя по шеренгам залпами, лишает неприятеля последней капли уверенности. И вот сейчас уже противник откатывается в сумятице к самой крепости.

Действительно, конница, наткнувшись на плотные ряды оцетинившейся штыками пехоты, развернулась и ускакала под защиту своих крепостных стен. Из колонны опять выскочили вперед застрельщики, и вслед отступавшим ударили их частые выстрелы. Под барабанный бой колонна пехотинцев сама пошла в атаку.

– Конница неприятеля, собравшись с духом возле своей крепости, снова готовится к атаке! – выкрикнул с тревогой в голосе Егоров. – Она получила новые подкрепления, воодушевлена командирами, обозлена большими потерями и теперь готовится разметать нашу колонну. На помощь нашим войскам идет конная орудийная батарея.

Выскочившие перед пехотой и прикрытые застрельщиками артиллеристы быстро скинули свои орудия с транспортных передков и развернули их в сторону наступающего противника. Егеря-стрелки оттянулись чуть назад, чтобы не мешать канонирам, и единороги открыли огонь.

– Батарея картечным боем охладила пыл врага! – комментировал дальнейший ход сражения Алексей. – И вот теперь ее орудия передвигаются прямо в пехотных порядках, поддерживая своим огнем атаку колонны.

Неприятельская конница не выдержала натиска пехоты, убойного ружейного и артиллерийского огня и начала в беспорядке отступать. Из-за колонны вылетели те два эскадрона пикинеров, что шли следом, и бросились в погоню за деморализованным противником. Прошло несколько минут, и конница скрылась за горизонтом.

«Бах! Бах! Бах!» – артиллеристы ударили ядрами, а потом и дальней крупной картечью по крепости. Корзины с землей, набитые песком мешки, рогатки,

ивовые щиты и связки прутьев, камни и бревна, – все, из чего только что недавно была сложена эта крепость, разлеталось сейчас в разные стороны. А потом по ее развалинам с громким криком «ура!» прокатились и волны атакующей пехоты.

– Неприятель отбит и рассеян, а его крепость взята с боем, – доложился фельдмаршалу Егоров. – Если вы, ваше высокопревосходительство, позволите, то все участники сих маневров уже через несколько минут будут готовы пройти перед вами в своих парадных расчетах.

– Дозволяю, – милостиво кивнул Потемкин. – Ведите своих людей сами, господин подполковник. А мы пока здесь, в шатрах, подкрепимся немного. Признаться, я, насмотревшись на ваши маневры, даже и не заметил, как проголодался. Ступайте, ступайте к своим людям, Егоров.

Через двадцать минут мимо выступившего из тени шатра фельдмаршала и всей его свиты под ритм барабанного боя промаршировал особый отдельный егерский батальон. За ним следом пропылили бугские казаки и херсонские пикинеры, и уже в самом конце парад закрыли орудия единороги, проследовавшие мимо на конной тяге.

– А все же нет у егерей той парадной выправки, как в пехотных строевых полках, – скривил лицо главный интендант днепровской армии. – Ножку они не тянут, идут как-то уж больно вольно. Им бы у прусских гренадеров короля Фридриха поучиться! Вот где настоящий печатный шаг!

– Антон Павлович, это егеря, они ведь не для парадного строя предназначены, а для стремительных переходов по бездорожью и меткого ружейного боя, – с улыбкой и так, чтобы все слышали, произнес барон фон Оффенберг. – Уверяю вас, милейший: пруссаки этим солдатам в настоящем бою и в подметки не годятся. Уж кто-кто, но я-то это хорошо знаю. Небось, и сам в Семилетней в нескольких баталиях в пехотных шеренгах стоял.

– Да, да, конечно, ваше превосходительство, весьма хорошие солдаты. – Полковник Глухов покраснел и опустил голову. С этим генералом из военной коллегии было очень опасно спорить. Уж он-то это прекрасно знал.

– Ну что, все у тебя молодцы, и сам ты нас правильно встретил! – похвалил подошедшего подполковника Потемкин. – А то есть, знаешь ли, такие

командиры, которые только лишь пыль пускают парадными яствами и напитками пытаются проверяющих потчевать. А самого дела-то у них никакого вовсе и нет. Уж нас-то очень сложно чем-нибудь эдаким удивить, ну а ты, Егоров, все же сумел изрядно нынче порадовать. Будем мы у тебя еще здесь три дня. Я хотел самолично проехать по всей вашей пограничной линии и все здесь своими глазами осмотреть. Помимо тех фортов, которые вы тут, как сказывает Генрих Фридрихович, у себя отстроили, что еще у тебя тут интересного имеется?

– Имеется учебный полигон для привития солдатам особого егерского навыка с учебной полосой препятствий, а рядом с ним есть стрелковый полигон и минно-подрывной, – перечислял Алексей. – Чуть дальше стоит учебная крепость с настоящими, насыпными, земляными валами, со рвом и со стенами высотой в две сажени, сложенными из самана. Еще у нас есть Бугская речная флотилия со служащими там, верными русской короне запорожскими казаками.

– Ну, вот все это мы и осмотрим, а пока представляю тебе вашего нового начальника, которому вы все теперь и будете подчиняться, генерал-майора Кутузова Михаила Илларионовича, – и Потемкин подозвал к себе того самого генерала, который показался с первых же минут встречи смутно знакомым Алексею.

«Ну конечно, это же Кутузов! Тот самый офицер, под командой которого, будучи еще молодым унтером, он взошел на крепостные стены Бенде?р пятнадцать лет тому назад. А до этого был Кагул и их первая встреча! Но как же он изменился за все эти годы!» Алексей во все глаза смотрел на выступившего вперед и приветливо улыбающегося генерала. Это уже был не тот двадцатилетний щеголеватый офицер, которого он помнил. Перед ним стоял средних лет, осанистый мужчина с покалеченным правым глазом. Лешка слышал ту историю про последний бой в недавней турецкой войне, когда, ведя гренадерский батальон в атаку на высадившихся под Алуштой турок, подполковник Кутузов был ранен пулей, пробившей ему левый висок и потом вышедшей у правого глаза. Удивительным было то, что он не просто остался жить, но еще и видел этим травмированным глазом.

Потемкин заметил улыбку на лице у генерала.

– А вы никак уже знакомы с Егоровым, а, Михаил Илларионович?

– Так точно ваше высокопревосходительство, – подтвердил тот. – Мне Алексей, еще будучи молоденьким сержантом, жизнь в Кагульском сражении спас. Если бы не он, то срубил бы меня там шустрый турецкий всадник. Да и на Бендерские стены мы с ним тоже бок о бок вместе взошли.

– Ну-у, тогда вам будет хорошо и далее вместе служить, – развел руками фельдмаршал. – У нас, Алексей, указом матушки императрицы от 14 января сего года нынче формируются шесть егерских корпусов, состоящих из четырех батальонов в каждом. Чуть позже мы образуем еще четыре. Вашим Бугским егерским корпусом, созданным на основе Харьковских и Белорусских гарнизонных батальонов, предстоит занять всю эту пограничную линию и в дальнейшем нести службу по ее охране. Для усиления егерского корпуса ему будут переданы конные полки Бугских казаков, Херсонских пикинеров, ну и твой, подполковник, особый отдельный батальон. Сам понимаешь, пока из обычных пехотных батальонов егерский народится, это сколько времени пройдет! Поэтому у нас с Михаилом Илларионовичем на вас будет особая надежда как на опытных наставников в этом непростом деле. Понимаю, тебе, небось, неудобственно все это сейчас? То ты тут на Буге хозяином был, а теперь вот в подчинение переходишь. Но извини, тебе до генерала еще три ступеньки вверх шагать, а ниже чином на такое ответственное место никак человека нельзя поставить. Тут вот сейчас солдат на всей этой пограничной линии более семи тысяч человек будет стоять. Огромное войско! Но ведь и задачи-то стоят какие!

– Ваше высокопревосходительство! – воспользовавшись паузой, Алексей решил расставить все точки над «и» прямо здесь, перед Потемкиным. – Буду рад служить под началом такого командира, как Михаил Илларионович. Говорю честно вам и от души. У меня хоть теперь время для подготовки к боям своих людей появится, а то столько хозяйственной и бумажной работы висит постоянно, что впору даже поседеть можно.

– Ну, вот и ладно, – улыбнулся Григорий Александрович. – Рад, что на душе камня не будет. А генерал-майору я тоже накажу, чтобы полностью вас под себя он не подминал. У вас статут отдельного особого батальона, так вот за вами и остается, и приданы ему вы временно. Ну и для вас свое, особое дело еще тут будет. Но об этом вы уже со своим куратором бароном фон Оффенбергом с глаза на глаз позже потолкуете. А пока давайте-ка по линии проедем, и Михаил Илларионович своими глазами увидит, какое он громоздкое хозяйство нынче на свои плечи взваливает.

Два последующих дня были посвящены осмотру всей линии, ее фортам, малым заставам и тем населенным пунктам, где пограничники размещались.

Деятельного Потемкина интересовало все: способы подачи дымовых сигналов, для чего вдоль берега и объездной дорожки разрыхлена полоса земли, как и из чего делаются маскировочные накидки у засадных и дозорных, способы выпечки хлеба в полевых условиях и как хранят провиант в самих фортах. Особое внимание он обратил на Бугскую флотилию и на тех казаков, что в ней служили.

– Ну что, Платон, не обижают вас с жалованьем и провиантским довольствием? Все ли у вас в достатке? Может, есть ущемление в чем? Или чего-нибудь нужно?

– Ні, пан фельдмаршал. Все у нас в достатку. Ніхто нас не кривдить. Ми тут свої, – совершенно искренне ответил бывший сотник, а нынче войсковой старшина Стороженко Платон. – Гармат би трохи невеликих дали. Так було б добре. Бо в нас лише малі турецькі фальконети на судах. Дуже погано з такими воювати проти великих турецьких кораблів.

– Что, старшина, борта у османов ваши ядрышки не пробивают? – усмехнулся Потемкин. – Говорил уже мне об этой вашей беде подполковник Егоров. Я ему пообещал помочь. Будут у вас небольшие, но мощные корабельные единороги. Сможете тогда туркам сдачи дать. И суда новые, побольше, чем у вас есть сейчас, мы вам тоже в самом скором времени передадим. Главное, служите верно России и государыне нашей императрице. Зла и обид за бывшее не держите. Доброе же дело сообща делаем, басурман от этой земли прочь отгоняем!

– Спасибі, пане фельдмаршалу, – поклонился Платон. – Немає у нас зла. В одному війську ми всі тепер.

Перед самым отъездом высокой инспекции Алексею удалось наконец-то серьезно поговорить и с бароном. Все это время Генрих Фридрихович был возле Потемкина и при его свите, да и Алексей крутился, принимая гостей на правах хозяина, и уединяться им никак не удавалось. В самый последний вечер перед отбытием фельдмаршал пожелал поохотиться, и большое количество людей в этом деле ему было в тягость.

Глава 4. Личная просьба

– Ну что, Алексей, их высокопревосходительство остался весьма доволен всему тому, что он здесь увидел. И вообще, ему понравилось, как ты его тут принял. А ведь я, признаться, и сам не ожидал таких вот лихих маневров, да еще в первый же день нашего сюда прибытия. Задумывалось-то все нами гораздо проще и скромнее.

– Это вам спасибо, Генрих Фридрихович, что натолкнули в своем последнем письме на такую здравую мысль, – поблагодарил куратора Алексей. – Так ведь и правда тянули бы ножку в парадном шаге да заставляли бы всех вас на жаре скучать.

– Ну, так-то парады – это дело тоже нужное, – усмехнулся генерал. – У вас, кстати, с этим не очень, одно из самых слабых мест во всей подготовке батальона. Учти на будущее, Алексей: высокое начальство хорошую строевую выправку и маршировку у солдат всегда и премного уважает. Для него ведь именно это и есть главный показатель боеспособности подразделения. Не зря же у нас в армии говорят: красив в строю – силен в бою! С этим ладно, мы разобрались. Этот ваш небольшой огрех за хорошей общеевойсковой подготовкой егерей и готовностью всей пограничной линии к обороне особенно-то и не виден, а если и виден, то, скажем так, высочайше забыт. А вот теперь о самом главном. Два года назад при присоединении к своим владениям Крыма наша империя стояла на пороге новой большой войны с турками, а возможно, что и кое с кем из «европ». Но как-то обошлось, и вот уже два года мы имеем возможность заниматься реформами в армии и укреплением рубежей всего нашего южного края. Однако каждый здравомыслящий человек при этом понимает, что война не за горами. Там за морем и Бугом к ней сейчас активно готовятся, поэтому и мы вынуждены тратить огромные силы и средства не на мирное строительство, а на перевооружение и обучение своих войск. Ваша линия вдоль реки и все южное побережье вдоль лимана – это одно из главных направлений для ударов неприятеля. Удержать всю границу своими силами ты бы уж точно не мог, а вот теперь, когда на нее сел целый егерский корпус, да еще и усиленный конными полками и артиллерией, эта задача стала уже более чем выполнимой. Совсем скоро сюда подтянутся пехотные и кавалерийские полки из центральных губерний, и вам тут вообще станет легче дышать. А то я знаю, каждую ночь вы большого османского десанта здесь ждали и загадывали, сколько часов смогли бы супротив него продержаться. Времена меняются, и теперь мы готовимся не только лишь к обороне, но еще и к наступлению. Но развязывать войну и

выступать в роли агрессора государыня императрица не желает. На нас вон за Крым в «просвещенных странах Европы» сейчас столько собак вешают, забывая, что его присоединение свершилось совершенно бескровно и что проведено оно было по всенародному изъявлению. Так и тут в грядущей войне, которая, будь уверен, разразится через несколько лет, мы начнем ее оборонительно, а потом уже, показав миронарушителями турок, ударим по ним со всей решительностью. Но для этого нам, офицерам, в военной коллегии нужны будут сведения о противостоящем нам неприятеле. Причем нужны сведения самого различного характера, от количества войск на том берегу реки и в самой Очаковской крепости до их настроения. Сведенья, как они вооружены, где содержатся и какие есть планы у их командиров. Какие фортеции уже выстроены турками на правом берегу Буга и у морского лимана? Что возводится и что планируется возвести из укреплений в Очаковской крепости? Где установлены орудийные батареи и какова выучка у канониров? Очень было бы интересно знать, какие транспортные и военные суда курсируют от Очакова в метрополию и каковы их характеристики. В общем, ты уже понял, что военную коллегию и меня лично интересует абсолютно все, что касается нашего будущего противника. Отсюда и особый статус твоего батальона, Алексей. Имей в виду, Михаил Илларионович в наши планы посвящен, и путать вам ноги он не будет, а уж полковник Баранов за этим тоже тут приглядит. Вы батальон особый, и ваше дело не в обороне фортов сиднем сидеть, а быстро ножками своими бегать. Все свое тяжелое вооружение ты передавай Кутузову, а то оброс тут, понимаешь ли, как хорошая хозяйка скарбом. Пушки, фальконеты, куча повозок и прочее барахло у него! – притворно нахмурился Генрих Фридрихович. – Вспомни, как вы по Румелии и по Балканам шустро бегали. Половину Сербской провинции ведь на уши у турок поставили!

– Ва-аше превосходительство! – обиженно протянул Егоров. – Да мы и сейчас готовы хоть сегодня на тот берег сбегать, можно даже и всем батальоном. Но вы ведь сами не давали нам разрешения там у них действовать, дабы турок не настораживать и не давать им повод для войны.

– А я и сейчас вам не дам разрешения, – усмехнулся барон. – Но ты же человек умный, Алексей. А буде такой момент, когда вице-президент военной коллегии, президент, а то и сама... – и он откашлялся. – Так вот, а ежели они меня все вдруг спросят: «Барон, а сколько в сей момент под Очаковым турецкой пехоты под ружьем стоит и сколько там конных алаев находится в полной боевой готовности к походу?» И что я, по-твоему, должен буду на пальцах тогда гадать?! Нет уж, дорогой, для того-то ты со своими волкодавами здесь и стоишь, чтобы не только с ошалелыми степняками перестреливаться да по реке

турецкие кончебасы гонять, а еще дабы вызнать намеренье и возможности нашего вероятного противника. Причем заметь: вызнать все это без войны, а эдак хитро и тайно, как вы это и умеете. В общем, Алексей, сведения нужно собрать как можно больше и самые что ни на есть разные. А потом ты должен будешь информировать меня обо всех здешних изменениях не реже одного раза в квартал. И чтобы ни одна зараза на той стороне реки или в Стамбуле не поняла, какое пристальное внимание уделяют русские этому куску земли под Очаковым, где сейчас скопилось столько турецких войск.

– Есть заняться тайной разведкой, ваше превосходительство, – Алексей, принимая для себя все сказанное бароном как приказ, встал по стойке смирно. – Господин генерал, доклады об обстановке в пределах Бугско-Очаковской пограничной линии будут пересылаться вам ежеквартально.

– Вот и хорошо, Алексей, вот и ладно, – улыбнулся Генрих Фридрихович. – Сам не заморачивайся с их отправкой. Передавай их лучше полковнику Баранову в Елизаветград, а уж тот скорой фельдъегерской почтой будет мне их в столицу потом пересылать. Так, ну а теперь по поводу твоего рапорта об длительном отпуске. Вот с этим тебе придется немного повременить. Давай-ка к самой зимней глухомани, как у вас тут на месте все образуется, вот тогда ты и уедешь в свое поместье. Полгода времени, я думаю, Кутузову вполне себе хватит, чтобы во все здесь хорошенько вникнуть. Вот разместит он на местах постоя весь свой корпус, организует его обучение и начнет со своими егерями пограничную службу нести, тогда и ты со спокойным сердцем в поместье отъедешь. Давай-ка мы сейчас и определимся по дню. Думаю, что первого декабря со всей своей семьей да по уже хорошо набитому санному пути вам как раз-то и удобно будет выехать. Оставишь здесь за себя Милорадовича, ему-то, чай, уже не впервой такое, ну и поправляй свое хозяйство в дебрях Козельского уезда. Надеюсь, что два года на все это тебе там должно хватить? – Ну, вот и хорошо, – отметил он утвердительный кивок подполковника. – Думаю, что за эти самые два года твоей отлучки у нас здесь ничего серьезного не случится. По представленным нашими людьми сведениям туркам на подготовку к новой войне нужно будет никак не менее пяти лет. У них там сейчас в казне сплошные дыры, а войска даже в самой столице уже полгода жалованья не получают. В провинциях мятежи идут. Оружия современного не хватает. Так что все должно быть пока у нас спокойно. Отдохнешь в своей деревне и уже с новыми силами вернешься на службу. Не хотел я раньше времени тебе об этом говорить, но вот теперь, думаю, можно. На тебя, Алексей, донос к нам поступил, дескать, ты на командные должности только лишь людей по родственной связи, а вовсе не по боевым заслугам или по умению выставляешь. И что сверх штатов людей в своем батальоне держишь. А

от этого якобы боееспособность подразделения и даже сама государственная казна страдают. Ну, так вот, по обоим этим сигналам приехавшие с нами люди и провели самую тщательную проверку. Все оказалось, как я и думал, сущим наветом. Действительно в заместителях у тебя служит шурин – Живан Милорадович, а в квартирмейстерах батальона состоит зятек – Гусев, женатый на родной сестре твоей жены. Но все они люди боевитые и на офицерские должности вышли из самых нижних чинов, умением, храбростью и личными заслугами того добившись, а вовсе не по дворянскому статусу, хотя, в общем-то, и сами его же имели. А все эти родственные связи – они уж потом появились, так сказать, по ходу самой службы. Да и спрашиваешь ты, как мы тут поглядели, с них даже порою и строже, чем со всех остальных. Ну и по тому наговору, что у тебя сверх штата в батальоне есть люди, которые казну якобы тем самым разоряют. Выявлено, что действительно два человека сверх штата в батальоне имеются, это те, которых вы тут вольноопределяющимися зовете. Фамилия оных людей Леонтьевы – это дед Дорофей и его внук Михаил. Сами они из казаков, занимавшихся рыбным промыслом, и ушли к вам от турок, дабы не быть ими убитыми. Когда прибывшие с нами люди из фискального ведомства копнули поглубже, то весьма удивились. Оказывается, денежное довольствие Леонтьевы от казны вообще никакого не получают, а вот жалованье выплачивается им из общей батальонной, артельной кассы и в треть суммы от обычного рядового. По котловому довольствию и деньгам за постой тоже никак не придраться. Живут они в своей личной избе, имеют доход от продажи выловленной рыбы, плетут корзины, а внук еще и кузнечным делом промышляет. Так что и здесь на житье им хватает, а они еще и при интенданте умудряются службу нести. Выходит, что и тут тебя оклеветали. Когда обо всем этом мы доложили Григорию Александровичу, то он был очень сильно впечатлен. Так что все в кляузах оказалось сущим оговором, и клеветник, будь уверен, получит за это заслуженное наказание.

Алексей стоял словно бы ошарашенный. Услышать то, что ему сейчас рассказал Генрих Фридрихович, он, конечно же, ну никак не ожидал. «Вот ведь неймется кому-то! Ну вот зачем и кому это вообще было нужно?!»

– Ваше превосходительство, – Алексей пристально посмотрел в глаза барону, – скажите мне, кто этот самый клеветник? Неужели из наших, из бугских?

– Извини, Алексей, даже и не проси, – покачал тот отрицательно головой. – Все равно я тебе ничего не скажу. Ну вот зачем тебе это, когда ты сам совершенно чист? Еще и на поединок вдруг его вызовешь! Вытаскивай тебя потом из

казематов. Напоминаю, что манифестом императрицы «О поединках» участников бескровных дуэлей подвергают самым разорительным штрафам, а вот самого виновника в пролитии крови ждет ссылка в Сибирь. Тебя-то уж точно в самую глухомань отправят, ты ведь просто кровью явно не обойдешься! Давай-ка мы закроем эту тему совсем. Одно лишь я напоследок скажу, что не с Бугской линии сей мерзавец, а довольно далеко он отсель. Да и что ты так вообще взбеленился? Если бы я после каждого пасквиля да за свою шпагу хватался, то у нас бы, наверное, наполовину вся столичная коллегия обезлюдела! Шучу, шучу! – поднял он вверх обе руки. – Но в каждой шутке, однако же, есть доля правды. Чем выше ты по служебной лестнице поднимаешься, тем больше на твоём пути гадких людей будет. Ну что поделатъ, не имея таланта и завидуя порядочным людям, только так они и могут себя проявить. Забудь! Давай-ка мы сменим тему. Поведай мне вон лучше о своих трудностях. О том, что у тебя с расширением штатов множество командирских вакансий образовалось, что нарезного оружия для батальона мало, чего там еще у вас не хватает, ну-у? Хорошего огнепроводного шнура, амуниции и новых мундиров, так ведь, да?

– Ва-аше превосходительство, – Лешка обиженно протянул, вглядываясь в улыбающееся лицо своего куратора. – Да что мне говорить-то тогда, когда вы и сами все это прекрасно знаете? Каждый квартал об одном и том же я докладываю, а воз и ныне там! – и он махнул с досадой рукой.

– Бумага – это одно, Алексей, она ведь зачастую и под сукно любит ложиться, а вот живое слово – оно в таком деле все же сильнее будет. Тем более если оно грамотно преподносится своему высокому и авторитетному начальству. Я ведь для тебя, надеюсь, авторитетный начальник? – генерал с иронией смотрел на своего собеседника.

– Очень авторитетный, господин генерал-майор, авторитетней некуда, – пробурчал тот в ответ.

– Ну, вот и не ворчи тогда, а лучше давай рассказывай мне все, – кивнул фон Оффенберг. – Глядишь, и смогу я тебя хоть чем-нибудь да порадовать в ответ.

– Да трудностей и препятствий, ваше превосходительство, у меня целый воз, – вздохнул Егоров. – Многое, конечно, теперь на плечи Михаила Илларионовича ложится, и в его епархию я лезть вовсе не собираюсь. Так, только если он сам вдруг захочет мой совет получить. А вот по батальонным трудностям все основное вы и так уже перечислили. После выхода роты из Крыма с теми

трофейными штуцерами нарезных ружей всего у нас получилось ровно пять десятков. Для того количества личного состава, какое было в роте, оно бы и неплохо, ведь насыщенность нарезного оружия среди егерей тогда была не маленькая, но ведь мы вскоре стали батальоном и даже с учетом тех десяти штуцеров, что пришли из Тулы, разом скатились на уровень самых обычных егерей. А вы ведь и сами знаете: с теми задачами, которые перед нами ставятся, такая слабая насыщенность дальнобойным оружием – вещь просто недопустимая. У меня вон теперь во многих стрелковых капральствах вообще даже нарезного оружия нет.

– Дальше, дальше излагай, про нарезное оружие – это понятно, – кивнул с ироничной улыбкой барон. – Амуниция, мундиры, старые гренады или их корпуса, заморский огнепроводный шнур. Что еще? Тесаки и сабли?

– Так точно, ваше превосходительство, все, что вы только что перечислили, и плюс еще картечницы-тромбоны, драгунские пистолы, хорошая обувь, да и много чего еще нужно. Но самое главное – это все-таки люди. Нет у меня пока батальонного офицера-интенданта. – Алексей загнул палец на руке. – Нет командира орудийного взвода. Нет командиров в трех полуротах. На всех этих должностях уже более двух лет стоят мои унтер-офицеры. Я ведь и так переманил к себе немалую часть из находящихся здесь на линии и прикомандированных офицеров-егерей из батальона Мекноба, из полковых егерских команд и даже из конных пикинеров. Переругался с их начальством и все равно так и не смог полностью укомплектоваться. А от этого ведь страдает общее дело и вся наша боеготовность. Вот как управлять целым батальоном на дальних выходах, когда в нем четкой иерархии в управлении нет? Вы же ведь сами и спросите меня за провальное дело!

– Обязательно спрошу, – подтвердил фон Оффенберг.

– Вот-вот, – вздохнул Егоров. – И теперь мне вновь предстоит перестраивать штат батальона, уже ведь озвучили, что нужно передавать орудия и более половины лошадей в другие подразделения корпуса. Перенастраивать всю тыловую службу. Структуру рот. А как это делать, когда у меня хорошего, знающего это дело интенданта-офицера нет?

– Ладно, понял я тебя, – прервал подполковника генерал. – Ты, Алексей, уже второй раз, но с другого конца начинаешь жалобиться, и почему, мне это тоже понятно. Небось, на мою помощь рассчитываешь? Но по перестройкам

подразделений своего батальона это уж ты сам решай, тут дело твое, личное, как его прямого и непосредственного командира. Поди, ведь уже не молодой прапорщик, а вон – целый подполковник. Чай, уж разберешься со всем, самое главное, за штаты не вылезай. А вот с комплектованием подсобить – это, я думаю, можно. Говоришь, четыре обер-офицерские должности уже более двух лет не закрыты, и самая болезненная из всех вакансий – это главный офицер-интендант? Хорошо, поглядим, – немного помолчав, кивнул он. – Сам попрошу Баранова Сергея Николаевича посмотреть, кто у нас там, в армейских штабах да из хороших служаек, сейчас без должного дела ошивается. Не волнуйся, – успокоил он Алексея. – Полковник в людях разбирается, и плохого он тебе точно не посоветует. Ну а далее по тыловому имуществу вы с ним и со своим новым интендантом и сами уже все решите. Что я тебе еще скажу? Это то, что партия из десяти новых штуцеров, собранная для вас, к отправке уже готова, и с неделю на неделю вы их здесь, в Елизаветградских оружейных складах, себе получите. Через меня лично та разрядка для снаряжения южных войск проходила, и я ее, где было нужно, там подправил. Новое обмундирование и амуницию вы тоже совсем скоро получите. Слыхал уже, небось, что для войск сейчас шьют ее по новым требованиям и по новым образцам. Я те новые мундиры сам видел и скажу тебе, что мне они лично очень понравились. Форма для солдат стала теперь гораздо легче и удобнее. Все пехотинцы с ней получат ладные каски, куртки и шаровары одинакового покроя. Для войск, действующих на юге, у нас теперь предусмотрена еще и летняя полевая форма в виде куртки и штанов из легкого белого полотна, а не из этой вот жаркой и тяжелой шерсти. Парики, косы и букли с этого года вообще отменяются, пудрить и смазывать салом их более уже не нужно. Солдат отныне будут единообразно и коротко стричь. Так, обувь тоже теперь станет гораздо удобнее. В стоптанных башмаках, как ранее, пехотинцам вышагивать по грязи теперь не придется. Отныне все они будут в сапогах. Вы и так их для себя уже доработали и укоротили для удобства, ну, вот и посмотришь теперь на те, что вам для ношения в батальон придут. Думаю, что они ничем вашим нынешним не уступят. Для егерей расцветка мундиров не меняется, ваш основной цвет, как и ранее, остается все таким же – зелено-черный. Вместо неудобного картуза вводимые сейчас каски на голове будут гораздо устойчивее, а их лопасти для зимнего ношения будут завязываться под подбородком и согревать в холода затылок и шею. Опушка гребня сверху у касок, да и все детали мундиров для егерей будут неброскими, чтобы они не становились удобной целью на поле боя. Епанча для вас окончательно отменяется, и вы будете носить теперь только лишь зеленого цвета шинели, а вот все остальные войска пока что будут с ними. Так, ну что еще там по мундирам? – задумчиво промолвил фон Оффенберг и внимательно оглядел Алексея. – Хвосты волчьи вы себе оставите, они же у вас как бы за

особые отличия выдаются егерям, и про них особо ранее в рескрипте прописывалось. Так, второй погон на правом плече, ну, пусть и он остается, не для одной же он лишь только красоты, а ведь еще и перевязь гренадного подсумка удерживает от сползания. С формой вроде бы все. Ну и последнее. На правый берег Буга вы пока, Алексей, не спешите выходить. Продумай все хорошо, оцени сам, как и где твоим людям можно без большого риска под Очаковскую крепость выйти. Учти: если вы раньше времени там турок насторожите, то потом вам будет очень сложно на их правом берегу действовать. И сведений о них уже нам не будет поступать, да и, не дай Бог, еще и повод для обвинения русских в агрессии вы им дадите! Так что продумывайте все свои действия тщательно и лучше не торопитесь. Вот, держи, это тебе на особые расходы, – и он вложил в руки Алексея увесистый кожаный кошель. – Тут золото, пять десятков монет самого разного номинала и стран. В основном турецкие, австрийские и наши, то есть те деньги, которые имеют хождение в этих землях. В вашем деле золото обязательно пригодится. На агентуру или для подкупа османских должностных лиц ты можешь его тратить смело. Главное, все записывай, что и куда ушло, и потом передавай отчет полковнику Баранову. Он же тебе эту убыль в золоте потом и пополнять будет. Чай ведь не глупый человек, сам, небось, понимаешь, что в добыче разведывательных сведений и вообще в тайной войне без золота ну никак не обойдешься? Вот-вот, вижу, что понимаешь. На особые, оперативные расходы для тебя будет выделен специальный фонд, по его сумме тебе Сергей Николаевич все сам скажет, он же тебе ее вскоре сюда и привезет. Главное, Алексей, это добыча сведений о турках любого характера. Увы, у нас в Очакове своих людей сейчас нет, а направление это, как ты понимаешь, очень важное, поэтому вся надежда сейчас на тебя и на твоих егерей.

– Понял, ваше превосходительство. – Алексей взвесил на руке тяжелый кошель и положил его в карман. – Нужно перестраивать батальон под особые задачи, теперь это уже будет не одна лишь пограничная служба. Ничего, справимся, нам уже такое не впервой. Будем возвращаться по тактике службы на одиннадцать лет назад, когда мы ходили по тылам у турок. Так вы полагаете, что пять лет у нас еще есть до начала войны? Ну, я не знаю, – протянул он, отметив утвердительный кивок барона. – Сомневаюсь, конечно, но задачу свою понял, Генрих Фридрихович. Приступаю к ее выполнению.

* * *

Последний день высокой инспекции проходил в большой суматохе. Прощальный парад войск Бугской пограничной линии генерал-фельдмаршал отменил, желая проехать как можно дальше по утренней прохладе. Алексей стоял среди провожающих офицеров. «Ну, все, наконец-то эта суета закончится», – думал он, разглядывая огромную красивую карету Потемкина. Неожиданно ее дверца распахнулась и показалась голова всесильного фаворита.

– Иди-ка, иди ко мне, – поманил он к себе подполковника. – Присядь-ка напротив, проедемся пару верст, проводишь меня, а там сам и доберешься до станицы. Не бойсь, Егоров, далеко не увезу!

– Что вы, ваше высокопревосходительство, я и не боюсь, – ответил в волнении Алексей, разглядывая богатое внутреннее убранство кареты. – За честь почту быть рядом с вами!

– Это да, не каждый генерал-аншеф может похвастать, что в ней сидел, – усмехнулся Григорий Александрович. – Нравится? – и он провел ладонью по бархату внутренней обшивки.

– Очень! – подтвердил Алексей. – Красота неопишуемая!

– А то! – улыбнулся фельдмаршал. – Я что тебя позвал-то, подполковник? Личное у меня к тебе дело есть. Потому и с глазу на глаз хотел переговорить, чтобы лишние уши этого нашего разговора не слышали. Видишь ли, Алексей, есть у меня племянник Коленька, крестник. Я его на руках вот такого маленького держал, нянчал. Маленький был – так он сущим ангелочком рос. Волосики на голове светленькие, кудрявые. Глазки большие, голубенькие, щечки румяные, смех чистый, звонкий. Красавчик и ведь ласковый такой. Ну, просто радость для родителей, да и для меня, грешного. И что ты скажешь, такая бестолочь из него в итоге вышла! В шляхетском корпусе, пока он там учился, его, можно сказать, за уши вытягивали. Если бы дядюшка сорванца не был в таких высоких чинах, – хмыкнул Потемкин, – то выперли бы его взашей из сего заведения. Постоянные драки, пропуски занятий, а потом еще и волокитство да бражничество началось. Я сам, да и отец его покойный, чем ведь только не грозили этому обормоту, даже колотили его порой. Так все мимо, все впустую. Видно, разбаловали в свое время Николашку сильно, упустили его, вот и вышел у нас такой вот «ангелочек». Потом уже, при выпуске, определили его в лейб-гвардию. Думали: ну, может, в Преображенском полку на службе к нему серьезность придет. Перебесится. Но там все еще даже хуже стало. Карты, женщины, шампанское и

постоянные дурацкие выходки! О какой службе вообще может идти речь?! Там его или пристрелят, или же приколют на очередной дуэли. Ну, или же он сам себе шею свернет, карабкаясь на балкон к очередной замужней мамзели. Возьми мою бестолочь к себе, Алексей, подсоби. Был ведь и он хорошим юнцом когда-то, добрым и послушным, но вот как бес опосля в него вселился! Отца уже в живых нет, воспитывать мне его бесполезно, а бегать за ним и вытаскивать из очередной беды я уже тоже не могу. Столько дел государственных на плечах висит! На тебя только одна надежда. Генрих Фридрихович посоветовал, говорит, большой некомплект офицеров у тебя в батальоне. Ты, как командир, человек строгий, честный и разумный, людей хорошо понимаешь, и они тебя все уважают. А главное, сила внутренняя в тебе есть, стержень особый, любого в бараний рог свернешь, если нужно. Сам убедился я в его словах, побывав здесь. Самое место Николаю у тебя. Это уж точно не гвардейский полк с его золочеными мундирами, парадами и попойками. А самая настоящая боевая часть, пусть даже и в блеклых зеленых мундирах, зато с железными кулаками, сухим порохом и огнем в глазах. Только тут, среди твоих матерых и зубастых волкодавов, и может остепениться моя бестолочь. Возьми, подполковник, очень я тебя прошу. Просто как человек, а не как высокий начальник.

«Ну Генрих Фридрихович, ну, блин, удружил! – думал в это время Алексей. – Вот за что мне здесь такая обуза?! Не хватало еще тут столичных вертихвостов вынянчивать и воспитывать! Своих-то ведь дел мало! А если не дай Бог с ним „того“? И ведь не откажешь такому человеку! Кому отказать-то? Потемкину?!»

– Ваше высокопревосходительство, воля ваша, – вздохнул Егоров. – Только ведь сами знаете, какая у нас здесь служба. Это вот сейчас на линии спокойно, а ведь раньше тут постоянно перестрелки с турками были. Да и не ровен час опять вдруг такое же начнется. Я ведь не смогу его все время от опасности уберегать.

– А и не надо! Не надо никого особенно уберегать, Алексей! – воскликнул Григорий Александрович. – Я знаю, что ты всех своих людей и так бережешь, и потери в твоей бывшей роте были на порядок ниже, чем у всех остальных, причем не просто боевые, но даже и санитарные. Отношение к Николашке должно быть ровно такое же, как и ко всем остальным. Ежели, не дай Бог, что-нибудь с ним и случится, то я клянусь: к тебе никаких вопросов и ни у кого не возникнет! Значит, такова есть на то воля всевышнего. Я и сам в стольких рубках, в атаках и штурмах был, пока по ступенькам воинской иерархии вверх шел, небось, уж знаю, о чем сейчас говорю. Пускай и он тоже настоящую службу познает. Да его ведь там, в столице, гораздо быстрее прибудут с этой вот своей

дурью. Ты, главное, построже с ним будь, сурово так и по-отцовски. Поколоти, что ли, разок, ну, так, с глазу на глаз, конечно. Разрешаю хоть что с ним делать за его провинности, вот тебе мое дозволение, Алексей, как крестного. Только попытайся сделать из него человека?

– Хорошо, я постараюсь, ваше высокопревосходительство, – помолчав, кивнул наконец подполковник. – Не обещаю вам, что получится, но я все же попытаюсь. В любом случае службу он будет у меня нести, как вы и сами сказали, безо всяких сосок, как самый обычный офицер, вышедший в прапорщики из нижних чинов. Будет потеть, спать на земле, есть из одного котелка с солдатами и все прочие прелести нашей особой егерской службы изведает!

– Очень хорошо! Превосходно! Я обеими руками только за это буду! – воскликнул Потемкин. – Завтра же курьер ускачет в Санкт-Петербург с приказом об откомандировании его к вам сюда из гвардии, в батальон. А в благодарность за такую вот взятую на себя обузу обещаю, что мы изыщем и доставим вам на Буг еще два десятка штуцеров. Знаю я про твою кручину по поводу их малого у вас числа. Ну, вот, чтобы хоть какая-то польза от моего Николашки для вас была!

Алексей провожал взглядом пылящий в сторону Херсона кортеж.

– Ну, вот и спровадили их высокопревосходительство и всех остальных господ, – пробормотал за его спиной Лужин. – Слава тебе господи, укатили-таки. И даже не выпороли никого для острастки, как это водится. Ваше высокоблагородие, поедете уже до дома. Ну чего мы тут посередь степи-то все стоим? Она как солнышко уже высоко забралось и сразу припекать начало, а нам до станицы еще верст шесть или семь ведь пылить. Гляди, как далеко вас за разговорами господин фельдмаршал-то вывез!

– Поехали, Федор, – вздохнул подполковник. – И правда, дел у нас теперь непочатый край!

Глава 5. Выход под прикрытием

На пограничной линии царило оживление. С северной стороны к Бугу подходили большие маршевые колонны. Генерал-майор Кутузов формировал из прибывших шестиротные полевые егерские батальоны. В каждом из них по штату было по одной тысячи четыре человека. На егерский батальон полагалось по два восьмифунтовых единорога. Плюс к этой артиллерии была еще и отдельная батарея при шести орудиях, основу которой составили те единороги, что забрали у егерей-волкодавов. Как обычно в любом новом деле, а уж тем более если это касалось армии, суеты и неразберихи вокруг было великое множество. Но усилиями деятельного и энергичного Кутузова Бугский егерский корпус пусть и медленно, но постепенно превращался в боеспособную воинскую единицу. Учения в нем проводились ежедневно, обмундирование и амуниция у солдат были хорошо подогнаны, а их лица и движение говорили о здоровье и хорошем питании. Пушки, повозки, оружие – все было чистое, исправное, вовремя смазанное и окрашенное. Линейные егерские батальоны располагались вдоль всей пограничной линии, растянувшись вдоль левого берега Буга. Приданные корпусу два легкоконных полка и отдельный особый батальон егерей квартировались тут же. Генерал не сидел на одном месте. Каждый солдат в его корпусе знал, что он может появиться в любой точке на этой протяженной линии и в любую минуту. Солдаты говорили, что он живет, пишет приказы, читает почту, ужинает и спит, посреди всей протяженной дистанции, в деревне Баловня. Однако едва ли половину ночей он проводил именно здесь. Верхом или в своей легкой одноконной тележке-бричке Кутузов ездил то в сторону Ольвиополя, то к морскому лиману, проверяя невзначай посты, которые наблюдали за турецким берегом. Заезжал он в форты, заглядывал в те землянки, где выпекали солдатский хлеб, появлялся и в полях среди рассыпанных в учебную цепь егерей.

Батальон Егорова был реорганизован. Артиллерийский огневой взвод был расформирован, а его люди перешли в пионеры и в оружейники. В любом случае богатый опыт работы с орудиями у егерей теперь имелся, и поставить при нужде к пушкам уже было кого.

Через неделю после отъезда высокой инспекции в станицу Николаевскую пришел большой интендантский обоз. В нем была новая амуниция и форма. Пришли и те десять обещанных фон Оффенбергом штуцеров, которые тут же распределили по самым метким капралам и унтерам.

«Еще бы два десятка от Потемкина получить – и вообще бы хорошо было, – думал Егоров. – Но с ними жди и головной боли с этим бестолковым Коленькой».

Вместе с интендантским обозом приехал и полковник Баранов.

– Ну, давай, Алексей, рассказывай, что надумал по поводу разведки турецких войск возле Очаковской крепости? Мне Генрих Фридрихович подробные инструкции, как вас опекать в этом деле, оставил, теперь вот слово только лишь за вами.

– Тогда пожалуйста к моей карте, Сергей Николаевич, – кивнул на стол Алексей. – Есть у меня одна задумка, но нужно, чтобы вы сами видели, как я планирую до крепости добраться. Вот посмотрите, господин подполковник, Очаков лежит всего лишь в пяти десятках верст к западу от Буга, – и Алексей указал на жирную точку в небольшом отдалении от реки. – Для нас это расстояние – всего лишь одни сутки пути в пешем порядке. Но добраться по прямой здесь нет никакой возможности. Турки создали по примеру нашей линии такую же свою, пограничную и внимательно отслеживают любое перемещение людей на противоположной от них стороне. Их конные и пешие дозоры часто патрулируют свой берег, а баркасы ходят вдоль него от лимана и верст на пятьдесят вверх. Любой новый человек, появившийся на правом берегу Буга, сразу же попадет под подозрение и будет немедленно задержан. Поэтому прямого пути к крепости у нас сейчас нет. В безлесной и открытой местности наш отряд обязательно обнаружат и потом уничтожат.

– Согласен, – кивнул Баранов. – Напрямую к туркам вам не проникнуть. Какие у тебя еще есть варианты?

– Можно попытаться к ним попасть по примеру Белграда, на судне, – предложил Егоров. – Помните, когда мы из самого центра занятой турками Сербии одного очень интересного человека вывозили?

– Можешь не продолжать, – нахмурился полковник. – И вообще, забудь ты об этом деле. Но мысль твоя мне понятна. Ты предлагаешь на каком-нибудь вонючем рыбацком суденышке с его уловом попасть в Очаковский порт и уже оттуда попытаться действовать? Интересно, конечно, но пока что, увы, неосуществимо. Эта северо-западная сторона Черного моря сейчас очень плотно контролируется османским флотом. Таких контрабандистов, как Зоран Томич, что был у меня на Дунае, здесь и сейчас, к сожалению, нет. И это, конечно же, очень плохо. Нужно будет провести работу среди местных греческих поселенцев, занимающихся морскими промыслами, но это уже теперь планы на будущее. А пока что затею попасть в Очаков по морю лучше отложить, слишком

уж это рискованно. Даже если мы сейчас и найдем кого-нибудь с небольшим суденышком в Крыму или даже тут, в Днепровском лимане, человек этот и его люди могут оказаться ненадежными, а вот слух о том, что мы вербуем местных рыбаков или контрабандистов, очень быстро долетит до ушей турок. Они ведь тут, в Причерноморье, веками были хозяевами, и в этом деле нужно быть предельно осторожными.

Баранов долго и задумчиво разглядывал карту.

– Алексей, должен быть еще какой-нибудь вариант. Уж я-то тебя хорошо знаю, ну, давай, не тяни, говори, что надумал?

– Да есть у меня одна мысль, господин полковник, – подтвердил предположения Баранова егерь. – Только вот и мне самому придется в этом выходе участвовать. Я лично, своими глазами должен все на месте оценить, а уже потом, по набитой дорожке, и своих людей туда отправлять.

– Нет! Об этом даже и речи быть не может! – взвился полковник. – Целый штаб-офицер русской императорской армии – и хочет лезть буквально в самое логово к нашему будущему врагу! А если ты там вдруг в плен попадешь?! Ты хоть сам-то представляешь, как это наше тайное дело будет тогда выглядеть и какой грандиозный скандал из него раздуют турки?! Да они по всем «европам» растрезвонят, что эти коварные русские их задирают и готовятся оттяпать у них все Побужье! Тут тогда у многих головы полетят! Мы ведь заморским мнением шибко дорожим!

– Не попаду, Сергей Николаевич, – покачал головой Алексей. – Мне с моим послужным списком никак нельзя в плен. Вы это и сами знаете. А вот рисковать нам все же придется, потому как других вариантов у меня попросту более нет. Вы лучше послушайте весь план. Может, чего и добавите, посоветуете по нему? Если вдруг что, так я все на себя возьму, дабы вас не подставить. Хотите, прямо сейчас расписку напишу? О том, что этот выход к Очакову был исполнен мной самолично и своего непосредственного начальника и куратора – полковника Баранова Сергея Николаевича – я умышленно не предупредил.

– Да ты за кого меня принимаешь, Егоров?! – покраснев, воскликнул тот. – Думаешь, я прикрываться такими бумажками стану?! Что я прятаться буду за них?! Что у меня воинской офицерской чести нет?! Да я еще прапорщиком

зеленым прусские мундиры штыком и шпагой в баталиях рвал!

– Простите, ваше высокоблагородие, – склонил голову Алексей. – Не хотел вас обидеть. Еще раз прошу вас меня извинить за то, что затронул нечаянно вашу честь.

– Ладно, забыли, – буркнул полковник и вновь присел на скамью. В штабной комнате цитадели центрального форта станицы Николаевской у расстеленной на большом столе карты молча сидели два человека. Наконец самый старший из присутствующих поднял глаза на офицера помоложе. – Ну, и долго ты будешь молчать? Давай уже, излагай этот свой последний хитрый план, а я послушаю.

– Сергей Николаевич, вы, главное, меня не перебивайте, – обрадовался Алексей. – Я доскажу, а потом вы решите, стоит ли вообще рисковать. В общем, по морю и напрямую от Буга мы к Очакову не пройдем, слишком уж это рискованно. А я предлагаю зайти вот отсюда, – и он провел своим указательным пальцем большой полукруг с севера, прямо за последним фортом Бугской линии, а потом продолжил его путь чуть западнее и сместил вниз к морю. – Тут вот, напротив устья Еланца, есть очень удобное место, где можно тайно Буг перескочить. Недалеко, на правом турецком берегу, стоит пара деревенок, а у нас в составе батальона есть два человека из местных.

– Леонтьевы, что ли? Дед с внуком? – буркнул полковник. – Про которых кляузы писали, что они зря казенное добро и деньги переводят?

– Так точно, ваше высокоблагородие, они самые, – подтвердил Егоров. – Вот именно с ними-то нас, пятеро егерей, хорошо знающих турецкий язык, и пойдут...

* * *

– Ну что, Дорофей Архипович, точно сможешь с нами пойти? – Алексей внимательно оглядел сухенького седого деда.

– Ты, Ляксе́й Петрович, не сомневайся во мне, – проворчал тот в ответ. – Лучше скажи, чтобы они тише себя вели. Река совсем рядом, а сам ведь знаешь, как по ней звук далеко разносится. Не дай Бог где-нибудь рядом османский кончебас

болтается.

– Понял, Архипович! – кивнул командир и отошел к стоящей у береговых кустов группке егерей. – Тише вы тут бормочите, а то вам дед устроит переправу. Крапивы вон много вокруг, портки заставит снять и задницу всем надерет.

– С него станется, – проворчал Лужин. – Мишаня, как ты с ним ладишь-то? Он ведь похуже рекрутского капрала будет!

– Деду добрый! – покрутил головой младший Леонтьев. – Это он с виду просто такой, ну и когда дело сурьезное.

– И верно, так и надо, – одобрительно проворчал один из братьев Вучевичей. – Ты бы не задираю деда, Федор. Ему еще нас столько вести к крепости!

– Как будто я кого задираю, – пробормотал, отворачиваясь, Лужин. – Смотрите, какие все защитники стали. А ежели он меня сам постоянно цепляет?!

– Да тише вам! – не выдержал Алексей. – Раскудахтались! Архиповичу слушать реку мешаете. А нам ее уже перескакивать пора.

Минут через тридцать дед принял решение переправляться:

– Все спокойно, ваше высокоблагородие, рыбка маненько плещется, птица в камышах шебуршится, но так-то спокойно. Можно ужо и выгребать.

Два больших челна тихо вышли из камышей и совершенно беззвучно поплыли по открытой водной глади. Еле слышно слетали капли воды с весел гребцов, пару раз скрипнула уключина, и вот он уже, противоположный турецкий берег.

– Все длинноствольное оружие оставляем в лодках, с собой только лишь ножи и пистолы! – напомнил егерям Алексей.

Плоские днища скрипнули о прибрежную гальку, и по три фигуры выпрыгнули на берег из каждого суденышка.

– Храни вас господь, братцы. Возвращайтесь назад все! – раздался шепот провожающих. И лодки отошли обратно к левому берегу.

– Ну, вроде удачно, куды надо было, пристали, – пробормотал старший Леонтьев, осматриваясь вокруг. – Ага, точно, вон там будет сухое старое устье речушки, в нем только лишь весной и осенью вода бывает. Вот по нему мы и пойдём дальше.

Шесть одетых в грязную рванину фигур перешли в овражек и пару верст двигались по нему.

– Ляксе́й Петрович, вот это самое место, где вам маненько затаиться придется. Ну а мы с Мишаней в само село пойдём. Ежели нужный человек будет на месте, то тогда все там быстро у нас выйдет, ну а ежели нет, так обождать придется.

Егеря лежали в кустах неподалеку от склона. Отсюда была хорошо видна та дорога, что вела к небольшому селу. Пару раз по ней пропылили небольшие, в десяток человек, конные отряды.

– Дозоры ходят, смотри-ка, сторожатся турки, – пробормотал Лужин.

– А как ты хотел? Здесь через две версты всего будет наш берег, а к северу в трех днях пути на том берегу Ольвиополь стоит, – ответил Цыгану Велько. – Ладно хоть по дорогам они ездят, кусты не проверяют.

– А потому что еще не пуганные, хозяевами себя чувствуют, – прищурившись, словно бы целясь, ответил сербу Федор. – Ничего, недолго им осталось, совсем скоро укажем им путь за дверь, а кто-то, ежели уйти не успеет, прямо здесь ляжет.

Пообедали сушеным мясом и сухарями, а через час в южную сторону по дороге потянулись две длинные повозки, запряженные быками.

– А вот это уже наши идут, – кивнул в их сторону самый глазастый из всех Велько. – Вон дед с внуком на самой последней сидят, а впереди какой-то пожилой дядька едет.

– Собрались все! – скомандовал Алексей. – Перебегаем по сухому руслу как можно ближе к дороге, а потом полем шагов сто, и как раз уже к ним выскочим. Главное, осмотритесь хорошо перед самым рывком, чтобы ненароком на разъезд не нарваться!

Никакой опасности поблизости не наблюдалось, и вскоре, выскочив из овражка, четверо разведчиков короткими перебежками приблизились к двум повозкам.

– Знакомьтесь: это Тарас, родич моей жены, покойницы, – представил дед седого, с отвислыми усами, пожилого селянина. – Я ему все растолковал, Ляксей Петрович, ну, он и согласился нам помочь.

– Доброго дня, батько! – поздоровался с ним Егоров. – Дорофей Архипович вам, наверное, уже все рассказал о том, что нам нужно в Очаков осторожно попасть.

– Так, – подтвердил тот. – Непроста це справа. Турки дуже злі. Визнають вас – погано всім буде[3 - Непростое это дело. Турки сильно злые. Признают вас – худо всем будет (укр.)].

– Ну, вот вы нам и помогите, а уж мы тогда в долгу не останемся, – улыбнулся Алексей и протянул селянину две большие золотые монеты. – И еще столько же получите, когда обратно придем.

– Небезпека, ну, що ж робити, допоможу[4 - Опасно, ну, что же делать, помогу (укр.)], – вздохнул тот и, полюбовавшись золотом, быстро спрятал монеты. – Слушайте Дорофея. Я через нього підказуватиму, що треба робити. Ви краще взагалі нічого не кажете. Бо у вас швидко визнають чужих. Серед місцевих багато тих, хто басурманам вірно служить[5 - Я через него буду подсказывать, что нужно делать. Вы лучше вообще ничего не говорите. А то в вас быстро признают чужих. Среди местных много тех, кто басурманам верно служит (укр.)].

Две повозки, запряженные волами, медленно катили на юг. В обеих лежали гончарные изделия, кожа животных, сушеная и вяленая речная рыба, домотканая шерстяная ткань и плетеные из ивового прута корзины.

– Каждый по корзине возьмите себе на горб, и пошли, – скомандовал дед. – Ляксей Петрович, ты, может, лучше за меня сядешь и быками править будешь?

– Не-ет, Архипович, ты уж давай сам, а я тут, с ребятами, – отказался Алексей и, выбрав корзинку полегче, взгромоздил ее на плечи. «Полегче», – это было мягко сказано. Уже через пару часов пути руки, спина и шея начали ныть, а пот с дорожной пылью покрыли лицо серой коркой.

– И зачем это только нужно – на себе тяжести тащить? Сидели бы сейчас в свое удовольствие на повозках, а не мучились с ними на горбу, – причитал Лужин. – Это вот дед с умыслом так над нами издевается. Он меня еще с той, с самой первой нашей встречи на Буге невзлюбил, а теперь вон и вам заодно достается.

– Эй, русский свинья, почему так медленно с дороги убирался?! – выкрикнул визгливым голосом худой, загоревший до черноты всадник. – Пошел с дороги, тупой баран! – и он хлестнул замешкавшегося Огнена плеткой.

Конный десяток турок обступил большим полукругом повозки, разглядывая стоящих рядом с ними грязных и усталых людей.

– Не гневайтесь, уважаемый, – на корявом турецком лепетал Тарас, не забывая при этом униженно кланяться. – Мои люди устали идти по такой жаре, и мы не хотели ничем вас обидеть.

– Ха! Что ты такое лопочешь, свинья?! Если бы ты даже просто задумал своими тупыми мозгами меня обидеть, то я бы тебя прямо здесь и сразу на мелкие куски порубил! У вас, наверное, действительно от жары все в голове перемешалось. А от пыли глаза все забитые. Вон вы все какие грязные и вонючие. Куда и откуда идете? Что в повозках?

– О, уважаемый предводитель воинов славного султана, мы все простые селяне из Покровки, – согнувшись в низком поклоне, отвечал Тарас. – Везем мы свои товары на Очаковский торг, а часть вырученного за них пойдет в уплату податей правителю провинции.

– Эй, Ариф, Талха, а ну обыщите повозки! – распорядился командир дозора, и два его воина, спрыгнув с коней, начали по ним шарить.

Алексей, удерживая в руках свою корзину и не поднимая глаз, застыл в глубоком поклоне. Лишь бы эти дозорные, досматривая поклажу, не полезли проверять

кожи и выделанные коровьи шкуры. Там среди них были спрятаны деньги, несколько пистолетов и ножи. Все длинноствольное оружие пришлось оставить дома, но и это внимательные люди могли бы заметить. А это была верная смерть. Отбиться от вооруженного конного отряда, да еще и в глубине неприятельской территории, уж точно не получится!

– Фу-у, ну и вонь! – Одного из досматривающих поклажу турок чуть было не вырвало. – У вас там что, собака в этой повозке издохла? – крикнул он, зажимая пальцами нос. – Эмин, тут и смотреть нечего, одни лишь горшки, ткань, рыба и эти вонючие кожи.

– Прости, уважаемый, – еще ниже склонился Тарас. – Мы возем их кожевникам на выделку. Но в такую сильную жару от запаха никак не удастся избавиться.

– А что, нельзя было у себя все хорошо продубить? Вам обязательно нужно тащить в крепость всякую заразу? А если от нее там какие-нибудь болезни пойдут? А вдруг она у вас вообще от павшей скотины?

– Что вы, уважаемый! Эти кожи только еще недавно мычали и блеяли на выпасе! – покачал головой Тарас. – У меня вся скотина при забое здоровой была, – и он вложил в руку одного из подошедших дозорных несколько серебряных монет. Дозорный кивнул своему командиру.

– Ну, ладно, езжайте дальше, – милостиво изрек тот. – И в следующий раз вози только хорошую кожу. Нечего всякое гнилье в нашу крепость таскать!

– Как скажешь, уважаемый, как скажешь. – Тарас кланялся уходящему отряду, и когда он отъехал уже шагов на сто, плюнул ему вслед, выругавшись: – Щоб вам було порожньо! Нас усіх срібла не вистачить. Як липку оберуть до місця доїдешь! [б - Чтоб вам пусто было! На всех вас серебра не хватит. Как липку оберут, пока до места доедешь! (укр.).]

За три дня неспешного пути подводы проверяли еще раз пять, итог везде был один: несколько мелких серебряных и медных монет и брань с угрозами в качестве пожелания «доброго пути». К Очакову путники подходили все грязные и изможденные. Скажи кто-нибудь крепостным заставам, что эти доходяги – солдаты русской императорской армии, – и его бы тогда точно подняли на смех.

– Ну, теперь-то вам понятно, почему вы три дня на своих плечах все эти корзины тащили? – спросил, больше обращаясь к Лужину, чем ко всем остальным, дед Дорофей. – Скажите спасибо, теперь вас ни один османский патруль в худом не заподозрит!

– Спасибо тебе, старый хрыч! – пробормотал Цыган. – Мне теперь целый месяц в бане не отмыться!

– Лужин, рот закрой! – прошипел Алексей. – Ты сначала доберись до этой вот бани! В крепости все разговоры только лишь на турецком, или вообще лучше помалкивайте!

Мимо повозок прошагал отряд из сотни турецких пехотинцев. На плече у каждого из них была лопата или кирка, а несколько человек в самом конце строя тащили носилки. Вокруг крепости, далеко за пределами ее высоких каменных стен, сейчас шла большая работа. Насыпались земляные валы, копались рвы, а в грунт забивались бревенчатые сваи. Всюду, куда бы ни кинул свой взгляд Алексей, копошились людские фигурки, а среди них прохаживались покрикивающие время от времени командиры.

«Да-а, работа проводится колоссальная, – отметил про себя Егоров. – Похоже на то, что вокруг основной крепости турки сейчас создают кольцо из новых внешних укреплений. И работы у них тут непочатый край».

Пройдя досмотр при въезде и дав хороший бакшиш караульным, две повозки Тараса наконец-то закатились вовнутрь.

– У центр ми не полезем. Там будуть ще одні стіни, вищі за ці, а сторожа ще зліша. Ходімо довкола. Нам зараз потрібно потрапити за квартал ближче до порту. Там і живе потрібна нам людина[7 - В центр мы не полезем. Там будут еще одни стены, более высокие, чем эти, а стража еще злее. Пойдем вокруг. Нам сейчас нужно попасть в квартал ближе к порту. Там и живет нужный нам человек (укр.)], – пояснил проводник и хозяин их небольшого каравана. Еще минут тридцать повозки медленно катились уже в самом городе. Постоянно приходилось пропускать отряды турок, протискиваться в узких кривых улочках, получать плеткой от важных господ и опять давать им серебро. И вот он наконец, так называемый греческий квартал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Греция.

2

Центральный вертикальный шест.

3

Непростое это дело. Турки сильно злые. Признают вас – худо всем будет (укр.).

4

Опасно, ну, что же делать, помогу (укр.).

5

Я через него буду подсказывать, что нужно делать. Вы лучше вообще ничего не говорите. А то в вас быстро признают чужих. Среди местных много тех, кто басурманам верно служит (укр.).

6

Чтоб вам пусто было! На всех вас серебра не хватит. Как липку оберут, пока до места доедешь! (укр.).

7

В центр мы не полезем. Там будут еще одни стены, более высокие, чем эти, а стража еще злее. Пойдем вокруг. Нам сейчас нужно попасть в квартал ближе к порту. Там и живет нужный нам человек (укр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/bulychev_andrey/eger-imperatricy-batal-on-k-boyu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)